This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

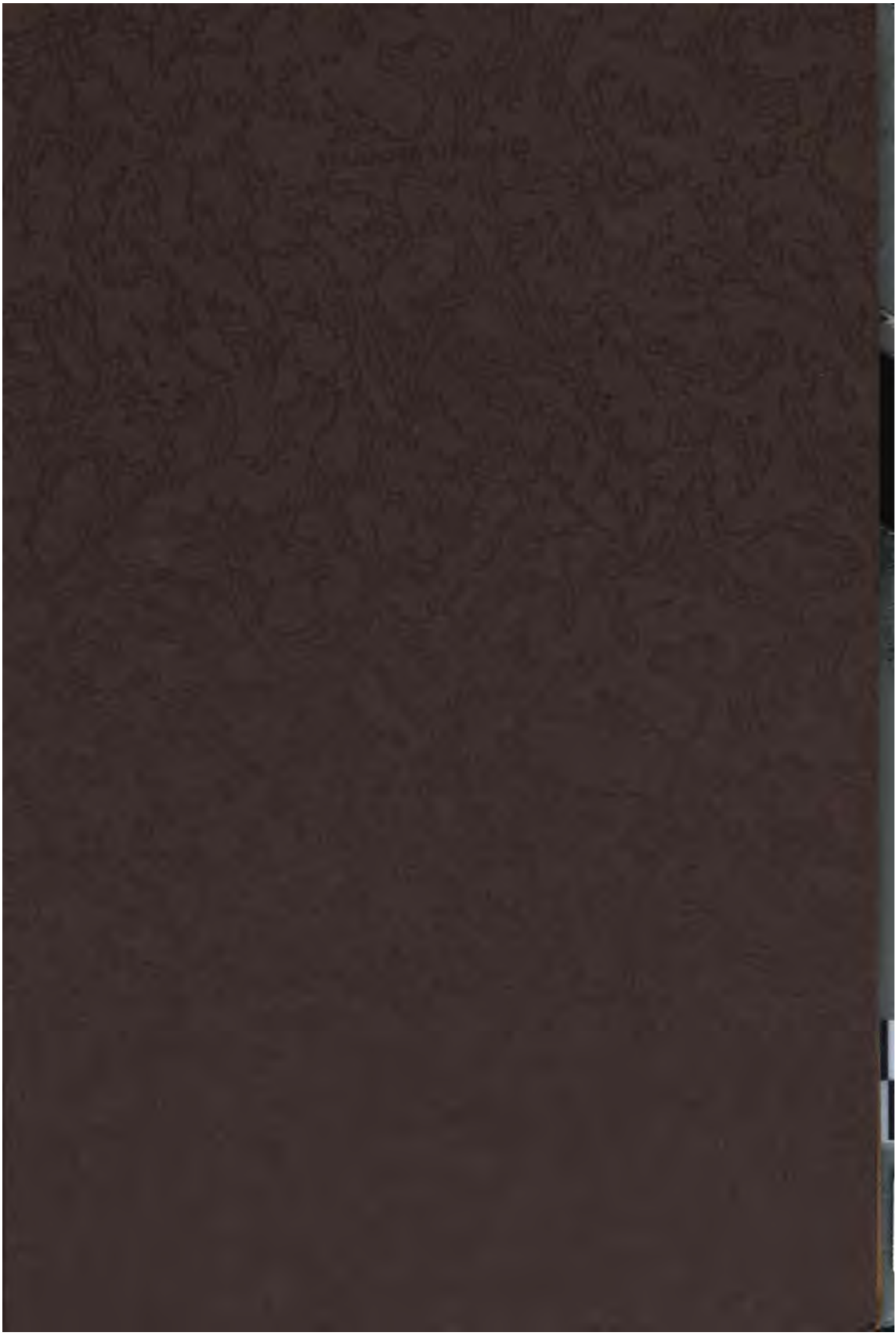
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

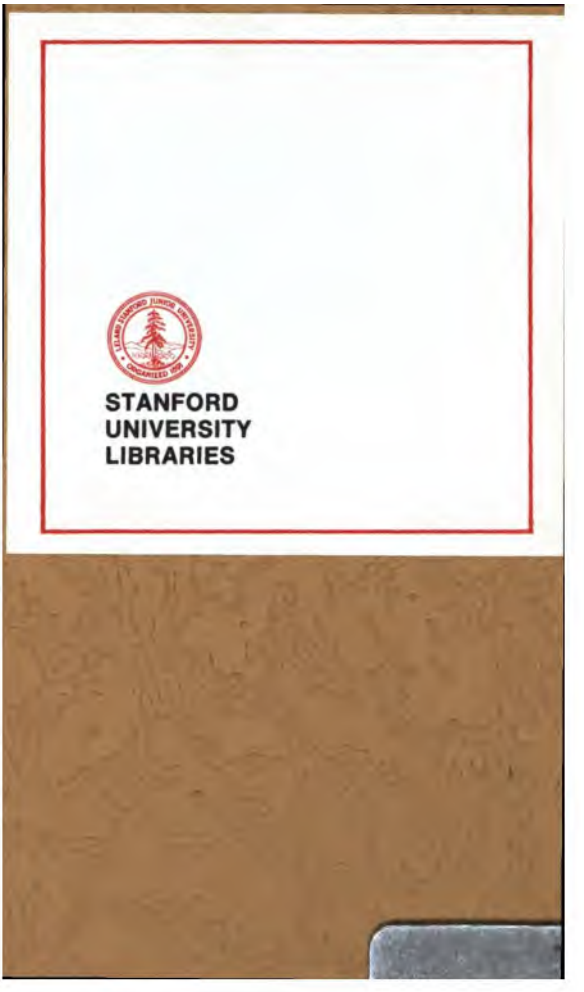
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`




STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ANTWORTEN DES GLAUBENS UND WISSENS

ОТВѢТЫ

ВѢРЫ И ЗНАНІЯ

НА

ВОПРОСЫ

НЕВѢРІЯ И НЕВѢДѢНІЯ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
27, UNTER DEN LINDEN.
1873.

AUF DIE FRAGEN DES UNGLAUBENS UND DER WISSENSLOSIGKEIT.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Б. БЕРА

(Е. БОКА)

ВЪ БЕРЛИНѢ

27. unter den Linden 27.

предлагаетъ свои услуги для изданія сочиненій на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и ручается за правильность и изящность печати.

ОТВѢТЫ

ВѢРЫ И ЗНАНІЯ

НА

ВОПРОСЫ

НЕВѢРІЯ И НЕВѢДѢНІЯ.

Otvety very i znaniia –

ОТВѢТЫ

ВѢРЫ И ЗНАНІЯ

НА

ВОПРОСЫ

НЕВѢРІЯ И НЕВѢДѢНІЯ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
27, UNTER DEN LINDEN.
1873.

BT50
.O84

Отвѣчая избраннымъ нами заглавіемъ на брошюру, изданную въ Берлинѣ подъ названіемъ: „Вопросы вѣры и знанія“, мы вовсе не хотимъ ни оскорбить тѣмъ неизвѣстнаго намъ автора брошюры, ни унизить достоинство его глубокихъ разсужденій о предметѣ такой важности, какъ христіанство. Напротивъ, отдавая автору полную справедливость въ искренности его исканій истины, мы хотимъ этимъ поставить самый вопросъ на подлежащую ему почву и предварительно его рѣшенія уяснить себѣ и читателямъ тотъ point de départ, ту „точку отправленія“, съ которой мы пойдемъ по слѣдамъ нашего автора отъискивать путь къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ. Вѣра и знаніе давно считаются какими-то противоположными полюсами, чуть не антиподами человѣческой мысли. На примиреніе ихъ истрачено столько силъ и времени, что одно воспоминаніе объ этомъ отнимаетъ всякую охоту не только начинать

снова эту неблагодарную работу, но даже рекапитулировать все продуманное и передуманное въ этомъ спорѣ. Наше убѣжденіе таково, что какъ во всякомъ спорѣ, такъ и въ этихъ разсужденіяхъ о вѣрѣ и знаніи, царствуетъ взаимное недоразумѣніе, заощряемое эгоизмомъ и раздуваемое духомъ партій нерѣдко до вражды непримиримой. Чтобы помирить спорящихъ, часто довольно бываетъ переставить ихъ на обратныя точки зрѣнія, перемѣнить ихъ Standpunkt, и тогда тотъ же самый предметъ, представленный съ другой стороны, покажется инымъ, нежели какимъ казался доселѣ съ предвзятой точки наблюденія. Мы послѣдуемъ этой методѣ въ отвѣтахъ нашихъ на „Вопросы знанія и вѣры," убѣжденные напередъ, что наши отвѣты найдутъ себѣ отголосокъ въ совѣсти вопрошающихъ и примирятъ не только вѣру съ знаніемъ, но и самое такъ называемое „знаніе" съ настоящею „вѣрою."

I.

Причины торжества христіанства и положительныя его вліянія.

Ничто не можетъ болѣе служить христіанству, его развитію внутреннему, его укорененію въ сознаніи людей, какъ успѣхи человѣческаго знанія и прогрессъ общаго образованія общества. Безъусловная вѣра въ истины христіанства требуется отъ человѣка, пока онъ не просвѣщенъ, пока пытливость его ума еще не развита на столько, чтобы искать въ религіи отвѣтовъ на всѣ запросы мысли. Такъ точно при воспитаніи отъ дѣтей, пока ихъ сознаніе еще дремлетъ, пока смыслъ ихъ не развитъ, требуется одно только послушаніе волѣ старшихъ. Все то, чѣмъ убаюкивается младенческій возрастъ, въ чемъ находитъ онъ себѣ успокоеніе, все это получаетъ другой смыслъ съ постепеннымъ развитіемъ самосознанія въ молодой душѣ. Съ началомъ внутренней работы въ человѣкѣ проявляется столь естественное его духовной природѣ исканіе истины не въ готовыхъ резуль-

татахъ, но путемъ собственной самодѣятельности. Здѣсь, на этомъ пути, юноша хочетъ на себѣ и вокругъ себя провѣрить каждый изъ уроковъ всемірной исторіи. Ему недостаточно знать только, что извѣстный фактъ приводилъ къ извѣстнымъ послѣдствіямъ. Онъ хотѣлъ бы самъ испытать, не приведетъ ли тотъ же фактъ другихъ послѣдствій, такъ точно, какъ дитя непремѣнно постарается сломать свою игрушку, чтобы видѣть, нѣтъ ли внутри ея чего другаго, чего не видно снаружи. Современный намъ процессъ работы общества надъ самимъ собою доказываетъ это во многихъ отношеніяхъ самымъ плачевнымъ образомъ. Безспорно, что многія изъ такихъ радикальныхъ попытокъ повліяютъ на измѣненіе строя общественной жизни въ Европѣ. Но правительства различныхъ странъ, также люди вѣка, а не какія-нибудь отвлеченныя понятія, если и стараются задержать различными способами слишкомъ быстрое стремленіе къ рѣшенію соціальныхъ реформъ, то вовсе не изъ принципа ретроградности и застоя, а только изъ опасенія разрушенія общественнаго порядка, за сохраненіе котораго онѣ отвѣчаютъ по совѣсти какъ предъ высшею властію, такъ и передъ самыми согражданами, возложившими на нихъ исполненіе этого долга вмѣстѣ съ отвѣтственностію за упущеніе его. Что же касается до разныхъ монашескихъ орденовъ и набожныхъ людей, силящихся чрезъ под-

держку религіозныхъ преданій задержать или замедлить прогрессивное движеніе народнаго сознанія, то это можно прировнять къ наивному страху нянекъ, боящихся за своихъ питомцевъ и тогда еще, какъ тѣ стали на свои ноги и не нуждаются болѣе въ ихъ попечительномъ надзорѣ.

Но вотъ гдѣ начинается ошибка, порожденная впрочемъ однимъ недоразумѣніемъ, когда люди, подобно автору нашей брошюры, начинаютъ думать, будто естественныя науки и историческія изслѣдованія могутъ привести общество къ убѣжденію, что христіанство есть созданіе человѣческаго духа-такое-же, какъ и всѣ прочія религіи. Ни христіанство, ни какія другія религіи, никогда не были и не могли быть созданіями человѣческаго духа. Тутъ главное недоразумѣніе лежитъ въ самомъ понятіи о религіи. Если подъ именемъ религіи разумѣть одно только ученіе, тогда конечно ставьте ее на ряду со всѣми философскими системами и разбирайте по всѣмъ правиламъ логики. Но религія по самому этимологическому значенію своему есть связь, воссоединеніе души съ Богомъ. Въ этомъ смыслѣ религія не имѣетъ вовсе дѣла съ естественными науками, и нисколько не боится историческихъ изслѣдованій. Историческая критика давно уже внесла свой свѣтъ въ зачатки христіанства, какъ фактъ, но не коснулась ни однимъ штрихомъ его сущности.

Автору нашей брошюры кажется страннымъ, что откровеніе божественное проводилось въ сознаніе людей такими же людьми, и что идеалы христіанства носятъ на себѣ отпечатокъ поэтическихъ увлеченій. И то и другое такъ естественно, что скорѣе слѣдовало бы удивляться, если бы этого не было. Люди и должны остаться людьми по намѣренію Христа; еще болѣе — христіанство имѣетъ главною задачею возстановленіе человѣка въ его человѣческомъ достоинствѣ, а вовсе не отрываніе его отъ родной ему почвы и претвореніе его въ образъ ангельскій. Что же касается до поэтическихъ увлеченій, то это совершенно извинительно и понятно при такихъ высокихъ идеалахъ, какіе намъ выставляетъ христіанство. Только бы среди этихъ увлеченій христіане не проглядѣли главнаго, единаго потребнаго для блага самого человѣка, — его отношеній къ Богу.

„Нѣтъ сомнѣнія," говоритъ нашъ авторъ, „что христіанскія истины подготовлялись до Христа въ продолженіи вѣковъ работою духа человѣческаго," и опять ставитъ христіанство на степень одного только ученія. Но, и какъ ученіе, христіанство вовсе не претендуетъ на новость какихъ нибудь неслыханныхъ правилъ. Христіанство — это возстановленіе здраваго смысла человѣка. І. Христосъ не даромъ сказалъ, что онъ не пришелъ нарушить законъ

и пророковъ, т. е. измѣнить всѣ вѣрованія и ниспровергнуть всю работу духа человѣческаго. Нѣтъ; онъ только поправлялъ заблудившуюся логику естественнаго ума, да уяснялъ темныя вѣровонія, вынесенныя людьми безсознательно изъ преданій старины. Что проще такихъ истинъ, какъ любить другъ друга, не дѣлать другому зла; однако онѣ получили свою силу только въ христіанствѣ. Напрасно нашъ авторъ думаетъ, что эти истины только потому стали живыми въ христіанствѣ, что онѣ были связаны съ лицомъ божественнаго происхожденія. Въ іудействѣ говорилъ же Самъ Богъ, однако іудейство отъ этого не сдѣлалось міровымъ ученіемъ, какъ христіанство. Причина торжества христіанства заключается въ томъ, что въ немъ въ первый разъ открыто человѣку, что онъ человѣкъ, что отношенія его къ Богу сыновнія, что возсоединеніе его съ Богомъ несомнѣнно при посредничествѣ Сына Божія, сдѣлавшагося намъ братомъ по своему человѣчеству. Въ этой рамкѣ отношеній человѣка къ Богу открылась широкая жизнь свободы въ Богѣ и люди стали подвигаться по лѣстницѣ человѣческаго достоинства не въ слѣдствіе одного только увлеченія, но въ полномъ сознаніи своего назначенія, указаннаго въ Евангеліи; будьте совершенны, какъ Отецъ Вашъ небсеный совершенъ, и будете сынами Вышняго!

Положительный вредъ сущности христіанства нанесенъ былъ конечно слишкомъ усердною регламентаціею христіанскаго ученія, но не въ томъ видѣ, какъ представляетъ себѣ авторъ Вопросовъ. Отсюда начинается смѣшеніе церкви съ христіанствомъ, продолжающееся потомъ не только въ жизни, но и въ сознаніи самихъ наблюдателей этого явленія. Никто не станетъ обвинять христіанство въ томъ, что изъ него сдѣлали государственную религію. Всякая добрая вещь не виновата въ томъ, если люди дѣлаютъ изъ нея злоупотребленіе. Что было выше этого дара Божія, какъ свобода, этотъ настоящій образъ Божій въ человѣкѣ? Однако изъ этого дара и вышло первое зло. Конечно ничто не можетъ быть страннѣе такого явленія, какъ на прим. гоненія христіанъ на христіанъ же за мнѣнія, или стѣсненія свободы въ нѣдрахъ христіанства, имѣвшаго главнымъ назначеніемъ своимъ освобожденіе совѣсти человѣка на пути истины. Но виноваты ли въ этомъ принципы христіанства? Нашъ авторъ готовъ скорѣе думать, что эта вина падаетъ не на однихъ представителей христіанства, но и на самые принципы. Посмотримъ, откуда въ немъ сложилось такое мнѣніе!

Первымъ поводомъ къ такому ошибочному мнѣнію служитъ для автора гоненіе христіанства на просвѣщеніе. По его мнѣнію, самъ Христосъ обнаруживалъ эти тенденціи, говоря съ сочувствіемъ о

простотѣ ума и сердца, выбирая своихъ учениковъ изъ темнаго простонародья и отвращаясь отъ классовъ образованныхъ. Мы попросимъ здѣсь у нашего автора извиненія, если напомнимъ ему, что не даромъ нашъ отвѣтъ на его вопросы мы озаглавили отвѣтами знанія на вопросы невѣденія. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ христіанъ можетъ добросовѣстно обвинить христіанство въ покровительствѣ невѣжеству? Кто изъ знающихъ современное Христу состояніе іудейскаго общества можетъ даже подумать, что этотъ новый просвѣтитель человѣчества отвращался отъ образованнаго общества только потому, что оно образованное, и искалъ себѣ адептовъ въ темномъ простонародіи только потому, что оно было темное и невѣжественное? Мы не будемъ отбиваться отъ этого обвиненія фактами, а просвѣтимъ только ошибочный взглядъ нашего автора на мнимую образованность и жалкую на его глаза простоту простонародья. Образованность — дѣло очень относительное. Не даромъ книжники и церковники временъ I. Христа такъ гордо относились къ этому образованію своему, что самымъ сильнымъ доказательствамъ высоты ученія Христова смѣло противупоставляли одно только то соображеніе, что никто изъ начальниковъ и Фарисеевъ не увѣровалъ въ Іисуса, а этотъ народъ, невѣжды въ законѣ, прокляты они (Іоан. VII, 48, 49). Согласится ли и нашъ авторъ Вопросовъ примкнуть къ

этимъ заклятымъ поборникамъ образованности и вмѣстѣ съ ними произнести проклятіе на простонародіе за его невѣжество въ законѣ? Не думаемъ. Онъ слишкомъ честный мыслитель для того, чтобы можно было прировнять его къ этимъ презрителямъ человѣческой мысли изъ за гордой мечтательности о собственномъ образованіи. Притомъ же мы замѣтимъ нашему автору, что онъ очень не удачно выбралъ самое слово образованіе, ставя его въ противоположность съ невѣжествомъ народа. Образованіе не есть еще просвѣщеніе. Образовать человѣка вы можете какимъ угодно способомъ; стоитъ только взять извѣстныя рамки и въ нихъ понемногу втѣснять умственное и нравственное развитіе. Въ этомъ отношеніи нѣтъ искуснѣе мастеровъ, какъ на пр. Іезуиты. Современное Христу образованіе было именно такого рода; поэтому очень естественно было совсѣмъ отвратиться отъ этого класса, какъ не понимающаго и даже не желавшаго измѣнить что-либо изъ своихъ предвзятыхъ понятій. Другое дѣло — это темное простонародье. Здѣсь была неиспорченная почва, готовая для принятія новыхъ сѣмянъ здраваго ученія. Въ эту темноту стоило только внести свѣтъ, чтобы все стало ясно, между тѣмъ какъ тамъ, въ этомъ сложившемся и зачерствѣломъ въ извѣстныхъ формахъ образованномъ классѣ надо было прежде всего ломать эти формы, чтобы влить въ нихъ безъ

того невмѣщавшееся содержаніе. Отъ чего І. Христосъ относился съ такимъ сочувствіемъ къ простотѣ ума и сердца? Отъ того, что онъ пришелъ не учить только людей, не распространять какую либо новую систему философіи, но образумить людей, возстановивъ въ нихъ естественный смыслъ ума, и указать имъ прямой путь къ Богу.

Для этого-то онъ такъ и прославлялъ нищихъ духомъ, этихъ простодушныхъ, которые, не гордясь своимъ умомъ, прямо смотрятъ на вещи, какъ онѣ суть, и безъ предвзятыхъ понятій берутся просто за истину и дѣлаютъ ее достояніемъ своей духовной природы. Странно, что самые глубокіе мыслители, къ которымъ мы причисляемъ и автора Вопросовъ, не хотятъ понять, что главное въ просвѣщеніи человѣка — это его здравый, простой смыслъ, — простой въ томъ отношеніи, если онъ не запутанъ ни навязываемыми ему отвнѣ системами мышленія, ни затемненъ различными искуственными методами воспитанія. Въ этомъ отношеніи и Платонъ и Аристотель, и Гомеръ и Горацій, одинаково могутъ считаться деспотами мысли, какъ только человѣкъ увлекается ихъ авторскими достоинствами. Христіанство вовсе не возставало противъ ихъ литтературнаго авторитета. Оно скорѣе проходило мимо ихъ, не замѣчая ихъ классическаго достоинства. Но на сколько потеряло бы отъ того человѣчество, еслибы этихъ

геніевъ древней литтературы вовсе не было на его горизонтѣ, сказать трудно. Намъ кажется, что все значеніе ихъ ограничивается однимъ историческимъ интересомъ, какъ памятниковъ развитія духа человѣческаго въ данный періодъ. Намъ трудно себѣ представить, чтобы современное намъ развитіе могло почерпать себѣ новую пищу изъ пѣсней Гомера о старинѣ или изъ буколикъ Виргиліевыхъ о современномъ ему романтизмѣ жизни. Автору Вопросовъ кажется ужаснымъ то состояніе, въ которое погружено было человѣчество въ средніе вѣка церковности излишнимъ усердіемъ, какъ онъ выражается, поклонниковъ Христа. Но здѣсь и то невѣрно, чтобы такое состояніе было приведено поклонниками Христа, а еще менѣе то, чтобы изъ этого состоянія человѣчество только и выбралось, благодаря возстановленію классицизма. Смѣшивать церковность съ христіанствомъ нельзя иначе, какъ или не понимая разницы между тѣмъ и другимъ, или неблагонамѣренно бросая тѣнь на религію изъ мести за злоупотребленіе Церкви своею духовною властію. Не XIVe столѣтіе спасло человѣчество отъ мрака невѣжества среди христіанства, но реформація XVI вѣка своимъ погромомъ католичества возстановила упадавшій духъ христіанства. Отсюда возсіялъ новый свѣтъ просвѣщенія, и люди снова взялись изучать и классическія произведенія древности, и главное — взялись припоминать себѣ историческіе

зачатки христіанства и по первоисточникамъ возстановлять его первобытную сущность и истинное значеніе.

Невѣжество древней Россіи имѣетъ тотъ же источникъ, т. е. замѣненіе христіанства церковностію. Не христіанство гнало и музыку и поэзію нашихъ предковъ, а грубые греческіе монахи, пришедшіе къ намъ, облеченные властію іерархіи, какъ до сихъ поръ они гонятъ еще все національное въ болгарской церкви. Зачѣмъ винить христіанство въ упадкѣ живописи и зодчества въ Россіи, когда тѣ же искусства процвѣтали на Западѣ среди христіанства же? Судьба нашего отечества имѣетъ совсѣмъ другія причины темной жизни допетровскихъ временъ. Кто знаетъ, не христіанство ли одно и спасло его отъ совершеннаго распаденія и изчезновенія съ лица земли? Во всякомъ случаѣ расколъ есть скорѣе признакъ живучести убѣжденій, хотя и темныхъ, но тѣмъ не менѣе сильныхъ, въ русскомъ народѣ. Расколъ есть живой протестъ темнаго простонародія противъ образованной по своему іерархіи, и на это не слѣдуетъ указывать, какъ на печальное явленіе въ исторіи внутренняго развитія забитаго русскаго народа. Напрасно авторъ Вопросовъ такъ сердится на Петра I^го^ за его реформы. Петръ I. былъ своего рода Лютеръ гражданскаго строя.

Онъ также далъ толчокъ сильный, можетъ быть не совсѣмъ деликатный, русскому обществу, въ слѣд-

ствіе котораго мало по малу стало просыпаться и русское духовенство, столь виновное, по сознанію самого автора, въ невѣжествѣ и загрубѣлости русскаго народа. Дѣйствительно, только духовенство, имѣвшее въ рукахъ своихъ свѣточь, и виновато въ томъ, что христіане и въ Россіи, также какъ и въ другихъ странахъ, не понимаютъ доселѣ настоящей разницы между церковію, какъ внѣшнимъ учрежденіемъ, и внутреннею жизнію христіанства, которое имѣетъ своимъ назначеніемъ дѣлать людей прежде всего людьми, а не куклами, облекаемыми въ различные наряды. Христосъ есть не только символъ свѣта и свободы, но самый свѣтъ, отъ котораго нашъ разумъ озаряется истиною, а истина, по словамъ самого Христа, должна освободить насъ и отъ рабства предразсудкамъ. и отъ стѣсненія измышленными самими людьми правилами и наконецъ отъ насъ самихъ съ нашими страстями и преимущественно съ нашимъ эгоизмомъ.

II.

Область вѣры находится въ прямомъ отношеніи къ области знанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ религіи были плодомъ внутренней, непреодолимой потребности человѣческаго духа, но никакъ не созданія его, выработанныя логическимъ ходомъ мысли. Человѣкъ не выдумывалъ себѣ Бога, потому что онъ ему былъ нуженъ; но онъ не могъ обойтись безъ Бога, потому что идея о Богѣ ему прирожденна, такъ точно какъ въ логикѣ ума своего онъ не могъ обойтись безъ вопроса о причинѣ. Религія, въ смыслѣ отношенія человѣка къ Богу, современна изхожденію человѣка отъ Бога и потому составляетъ принадлежность его природы. Религія, въ смыслѣ возстановленія этихъ отношеній, разъ прерванныхъ какимъ-то насильственнымъ актомъ, дѣлается безъотчетною потребностію человѣческаго сердца, влекомаго любовію къ Богу, какъ верховному благу и источнику всякаго блаженства. Въ

этомъ отношеніи дѣйствительно жаль, что люди вѣры не хотятъ или боятся посмотрѣть прямо въ глаза исторической и научной истинѣ. Наука, особенно наука мысли и внутренняго наблюденія надъ природою души, доказала бы имъ ясно, что человѣкъ прежде всего не есть существо абсолютное, въ себѣ самомъ законченное, но заключающее въ себѣ только потенцію совершенства; а здравый смыслъ дополнилъ бы остальное, подсказавъ логикѣ, что причина не только бытія, но и существованія человѣка должна быть внѣ его, во всякомъ случаѣ въ существѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ самъ человѣкъ. Историческая же наука подтвердила бы намъ какъ фактъ паденія человѣка, такъ и неоспоримое явленіе борьбы между добромъ и зломъ внутри самаго человѣка и внѣ его въ явленіяхъ нравственнаго міра. Люди науки съ своей стороны крайне не правы въ томъ, что, не признавая слабости и недостаточности добытыхъ ими результатовъ для полноты жизни человѣка, не хотятъ сознаться въ нуждѣ восполнить этотъ недостатокъ прямымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, т. е. религіею.

Но тутъ мы встрѣчаемся прямо съ эгоизмомъ человѣка. Безсиліе ума въ познаніи вещей и управленіи человѣческою волею заставляетъ его признаться въ необходимости вѣры. А что такое вѣра? Это, по словамъ нашего автора, ничто больше, какъ слѣдствіе невѣденія. Но мы хотѣли бы знать, что такое

вѣра, не какъ слѣдствіе, а какъ сущность, какъ положительное начало въ природѣ человѣческаго духа. Въ томъ конечно нѣтъ сомнѣнія, что вѣра вызывается невѣденіемъ. Когда я чего не знаю, чего я самъ не изучалъ, я обращаюсь съ вопросомъ объ этомъ къ людямъ опытнымъ и знающимъ, и, получивъ отъ нихъ отвѣтъ, вѣрю тому, что мнѣ сказали. Но я хотѣлъ бы уяснить себѣ самому, почему я повѣрилъ данному мнѣ отвѣту? Развѣ этотъ отвѣтчикъ не могъ мнѣ дать отвѣта ложнаго или обмануть меня? Въ этомъ случаѣ я успокоиваюсь на той мысли, что ложно отвѣтить онѣ мнѣ не могъ, такъ какъ я знаю, что онъ изучалъ свой предметъ, а обмануть меня онъ не имѣлъ никакого побужденія. Такимъ образомъ съ одной стороны мое знаніе, что другой что-нибудь знаетъ, а съ другой мое довѣріе къ его вѣрности составляютъ основаніе моей вѣры въ его слова. Послѣ этого что же такое вѣра? Это успокоеніе сердца на довѣріи къ лицу, восполняющему мое непосредственное незнаніе чего-либо. Въ этомъ отношеніи всякое наше знаніе ничто иное, какъ вѣра. Я изучаю исторію и знаю факты, повѣривъ напередъ, что они мнѣ донесены вѣрно. Я изслѣдываю природу и убѣждаюсь въ законахъ ея въ томъ предположеніи, что меня не обманываютъ мои чувства. Поэтому очень ошибочно думать, будто вѣра является на помощь человѣку только тамъ, гдѣ ему недостаетъ знанія.

Вѣра — это есть увѣренность, основанная на сердечномъ довѣріи тамъ, гдѣ касается дѣло дорогихъ намъ убѣжденій, и на добровольномъ довѣріи тамъ, гдѣ предметъ знанія есть только удовлетвореніе нашему любознанію. Поэтому всякое знаніе есть въ сущности вѣра, равно какъ самая вѣра есть крѣпкое и непоколебимое знаніе. Я вѣрю въ Бога и потому знаю, что онъ есть. Я знаю, что Богъ есть, и это есть моя твердая вѣра. Мы увѣровали въ Евангеліе, потому что путемъ опыта и долгихъ разсужденій дознали, что это — истина. А почему мы повѣрили всему, открытому намъ І. Христомъ? Потому что оцѣнили Его личность опять-таки путемъ свободнаго изслѣдованія, слѣд. цѣпью и рядомъ доступныхъ намъ знаній, и оцѣнивъ эту личность, полюбили ее. А любовь заключаетъ въ себѣ дружбу, слѣдов. полное довѣріе къ возлюбленной личности. То правда, что говоритъ нашъ авторъ, что область вѣры должна уменьшаться по мѣрѣ увеличенія знанія. И Апостолъ говоритъ, что мы только теперь ходимъ путемъ вѣры, все видя какъ бы сквозь тусклое стекло, между тѣмъ какъ тамъ мы все увидимъ лицемъ къ лицу. Но это касается только предмета вѣры. Самая вѣра, какъ способность нашей души и какъ необходимая принадлежность природы нашего духа, останется при насъ вѣчно, такъ какъ мы никогда не будемъ имѣть непосредственнаго знанія

сущности всего сущаго, иначе мы были бы сами боги. Вѣра и въ вѣчности останется для насъ звѣномъ, связующимъ съ Божествомъ, съ нашей стороны какъ выраженіе любви, со стороны Богая какъ выраженіе благости.

III.

Что должно быть предметомъ вѣры?

Вопросъ, что должно быть предметомъ вѣры, рѣшается самъ собою, какъ скоро понята сущность вѣры и ея нравственное значеніе въ природѣ человѣка. Главное въ этомъ — не смѣшивать вѣры съ такъ называемыми вѣрованіями, какъ безотчетными, темными и часто застращенными принятіями на вѣру извѣстныхъ сказаній. Мы совершенно согласны съ нашимъ авторомъ въ томъ, что всѣ эти сказанія не должны быть предметомъ непоколебимаго вѣрованія. Да и трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь изъ людей, даже, по выраженію автора, сумасшедшихъ фанатиковъ, пошелъ въ огонь или положилъ голову свою на плаху за стадо свиней, потонувшее въ морѣ. Здѣсь менѣе всего виновата невѣжественная масса, не имѣющая понятія о законахъ природы; а виноваты образованныя массы, которыя, какъ дѣти, обрадовались одному открытому имъ смѣшному факту и

начали хохотать, находя удовольствіе въ самомъ смѣхѣ. Надо стать на слишкомъ ребяческую точку зрѣнія, чтобы предположить, будто люди могли вѣровать серьёзно, т. е. жизненно, въ какое нибудь явленіе Бога въ цвѣткѣ лотоса или горящемъ и не сгаравшемъ кустѣ, какъ въ такія истины, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть. Дѣло было гораздо проще. Всѣ эти сказанія оставляли стоять въ книгахъ, глубоко уважаемыхъ за ихъ нравственное содержаніе. Даже ревностные хранители этихъ священныхъ кодексовъ возставали за каждую букву оныхъ скорѣе изъ пугливаго опасенія, чтобы изъ за одной ненаучной невѣроятности не подорвалось уваженіе ко всему кодексу, а не изъ-за сердечныхъ вѣрованій въ остановку солнца по слову Іисуса Навина. Наука конечно просвѣщаетъ многое въ естественныхъ явленіяхъ; но самъ же авторъ Вопросовъ намъ доказалъ въ предъидущей статьѣ, что эта наука далеко еще не дошла до положительныхъ знаній даже въ области положительныхъ свѣдѣній. Поэтому слишкомъ смѣло сказать, что наука, основываясь на неопровержимыхъ данныхъ, восторжествуетъ надъ умами такъ, что они перестанутъ вѣровать во все чудесное. Намъ кажется напротивъ: по мѣрѣ того, какъ наука идетъ впередъ, она открываетъ новыя чудеса въ твореніи. Самое слово чудо выражаетъ собою предметъ удивленія чему-то прежде невиданному. Въ

этомъ отношеніи много чудесъ совершается и на нашихъ глазахъ. Развѣ не чудо одинъ электромагнетическій телеграфъ? Мы не считаемъ его чудомъ развѣ только потому, что можемъ пользоваться имъ ежедневно, а въ сущности это все-таки чудо, такъ какъ мы не знаемъ ни сущности этого двигателя, ни его даже законовъ. Стало быть, только одна привычка къ явленію отнимаетъ у него значеніе чуда. Но тѣмъ не менѣе и мы согласны съ тѣмъ, что искать для вѣры опоры въ элементѣ чудеснаго было бы очень ошибочно, когда для этого есть другія, гораздо прочныя, основанія въ нравственной природѣ человѣка. Для духовнаго развитія человѣка вовсе не важны даже такіе факты, какъ приснодѣвство Маріи. Но отвергать эти факты потому только, что они не подходятъ подъ открытые нами доселѣ законы природы, было-бы болѣе, чѣмъ рисковано. Мы такъ довольны собою, когда откроемъ новое явленіе, подрывающее какой нибудь авторитетъ; но за то какъ умнѣемъ, когда видимъ, что новое открытіе въ этой области возстановляетъ этотъ же самый авторитетъ. Въ послѣднее время такъ усердно ищутъ ископаемаго человѣка, чтобы этимъ подорвать окончательно бытописаніе Моисея, и разъ уже нашли было черепъ, по которому опредѣлили уже и возрастъ этого ископаемаго человѣка, какъ вдругъ оказалось, что то былъ черепъ огромной лягушки. Этотъ

примѣръ доказываетъ, что не слѣдуетъ слишкомъ рано прославлять торжество науки надъ религіозными сказаніями, а еще менѣе быть легковѣрными по отношенію къ учености, чѣмъ къ преданіямъ старины, хотя и очень глубокой, но тѣмъ болѣе почтенной.

Нравственное совершенствованіе дѣйствительно составляетъ не только высшую потребность, но и высшее наслажденіе человѣка. Поэтому-то религія, какова бы она ни была, такъ дорога человѣку. Но жаль, что сущность религіи вообще такъ мало понимается самыми глубокими мыслителями, и потому или смѣшивается съ вѣроученіемъ или низводится на степень простой морали. Вся прекрасная статья нашего автора о предметѣ вѣры на стр. 26—29 его брошюры служитъ лучшимъ доказательствомъ тому. Такъ высоко ставя нравственные принципы человѣческаго духа, авторъ увлекается развитіемъ ихъ въ сознаніи человѣчества до того, что ставитъ христіанство если не на ряду съ буддизмомъ, то по крайней мѣрѣ въ одну линію со всѣми философскими вѣроученіями. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что истина есть достояніе общечеловѣческое и что развитіе взгляда на нравственность человѣка подлежитъ закону прогресса. Но не въ томъ дѣло. Писать правила въ формѣ китайскихъ положеній или законовъ Ману не мудрено. Для этого довольно имѣть свѣт-

ствіе котораго мало по малу стало просыпаться и русское духовенство, столь виновное, по сознанію самого автора, въ невѣжествѣ и загрубѣлости русскаго народа. Дѣйствительно, только духовенство, имѣвшее въ рукахъ своихъ свѣточь, и виновато въ томъ, что христіане и въ Россіи, также какъ и въ другихъ странахъ, не понимаютъ доселѣ настоящей разницы между церковію, какъ внѣшнимъ учрежденіемъ, и внутреннею жизнію христіанства, которое имѣетъ своимъ назначеніемъ дѣлать людей прежде всего людьми, а не куклами, облекаемыми въ различные наряды. Христосъ есть не только символъ свѣта и свободы, но самый свѣтъ, отъ котораго нашъ разумъ озаряется истиною, а истина, по словамъ самого Христа, должна освободить насъ и отъ рабства предразсудкамъ, и отъ стѣсненія измышленными самими людьми правилами и наконецъ отъ насъ самихъ съ нашими страстями и преимущественно съ нашимъ эгоизмомъ.

II.

Область вѣры находится въ прямомъ отношеніи къ области знанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ религіи были плодомъ внутренней, непреодолимой потребности человѣческаго духа, но никакъ не созданія его, выработанныя логическимъ ходомъ мысли. Человѣкъ не выдумывалъ себѣ Бога, потому что онъ ему былъ нуженъ; но онъ не могъ обойтись безъ Бога, потому что идея о Богѣ ему прирожденна, такъ точно какъ въ логикѣ ума своего онъ не могъ обойтись безъ вопроса о причинѣ. Религія, въ смыслѣ отношенія человѣка къ Богу, современна изхожденію человѣка отъ Бога и потому составляетъ принадлежность его природы. Религія, въ смыслѣ возстановленія этихъ отношеній, разъ прерванныхъ какимъ-то насильственнымъ актомъ, дѣлается безъотчетною потребностію человѣческаго сердца, влекомаго любовію къ Богу, какъ верховному благу и источнику всякаго блаженства. Въ

этомъ отношеніи дѣйствительно жаль, что люди вѣры не хотятъ или боятся посмотрѣть прямо въ глаза исторической и научной истинѣ. Наука, особенно наука мысли и внутренняго наблюденія надъ природою души, доказала бы имъ ясно, что человѣкъ прежде всего не есть существо абсолютное, въ себѣ самомъ законченное, но заключающее въ себѣ только потенцію совершенства; а здравый смыслъ дополнилъ бы остальное, подсказавъ логикѣ, что причина не только бытія, но и существованія человѣка должна быть внѣ его, во всякомъ случаѣ въ существѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ самъ человѣкъ. Историческая же наука подтвердила бы намъ какъ фактъ паденія человѣка, такъ и неоспоримое явленіе борьбы между добромъ и зломъ внутри самаго человѣка и внѣ его въ явленіяхъ нравственнаго міра. Люди науки съ своей стороны крайне не правы въ томъ, что, не признавая слабости и недостаточности добытыхъ ими результатовъ для полноты жизни человѣка, не хотятъ сознаться въ нуждѣ восполнить этотъ недостатокъ прямымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, т. е. религіею.

Но тутъ мы встрѣчаемся прямо съ эгоизмомъ человѣка. Безсиліе ума въ познаніи вещей и управленіи человѣческою волею заставляетъ его признаться въ необходимости вѣры. А что такое вѣра? Это, по словамъ нашего автора, ничто больше, какъ слѣдствіе невѣденія. Но мы хотѣли бы знать, что такое

вѣра, не какъ слѣдствіе, а какъ сущность, какъ положительное начало въ природѣ человѣческаго духа. Въ томъ конечно нѣтъ сомнѣнія, что вѣра вызывается невѣденіемъ. Когда я чего не знаю, чего я самъ не изучалъ, я обращаюсь съ вопросомъ объ этомъ къ людямъ опытнымъ и знающимъ, и, получивъ отъ нихъ отвѣтъ, вѣрю тому, что мнѣ сказали. Но я хотѣлъ бы уяснить себѣ самому, почему я повѣрилъ данному мнѣ отвѣту? Развѣ этотъ отвѣтчикъ не могъ мнѣ дать отвѣта ложнаго или обмануть меня? Въ этомъ случаѣ я успокоиваюсь на той мысли, что ложно отвѣтить онѣ мнѣ не могъ, такъ какъ я знаю, что онъ изучалъ свой предметъ, а обмануть меня онъ не имѣлъ никакого побужденія. Такимъ образомъ съ одной стороны мое знаніе, что другой что-нибудь знаетъ, а съ другой мое довѣріе къ его вѣрности составляютъ основаніе моей вѣры въ его слова. Послѣ этого что же такое вѣра? Это успокоеніе сердца на довѣріи къ лицу, восполняющему мое непосредственное незнаніе чего-либо. Въ этомъ отношеніи всякое наше знаніе ничто иное, какъ вѣра. Я изучаю исторію и знаю факты, повѣривъ напередъ, что они мнѣ донесены вѣрно. Я изслѣдываю природу и убѣждаюсь въ законахъ ея въ томъ предположеніи, что меня не обманываютъ мои чувства. Поэтому очень ошибочно думать, будто вѣра является на помощь человѣку только тамъ, гдѣ ему недостаетъ знанія.

Вѣра — это есть увѣренность, основанная на сердечномъ довѣріи тамъ, гдѣ касается дѣло дорогихъ намъ убѣжденій, и на добровольномъ довѣріи тамъ, гдѣ предметъ знанія есть только удовлетвореніе нашему любознанію. Поэтому всякое знаніе есть въ сущности вѣра, равно какъ самая вѣра есть крѣпкое и непоколебимое знаніе. Я вѣрю въ Бога и потому знаю, что онъ есть. Я знаю, что Богъ есть, и это есть моя твердая вѣра. Мы увѣровали въ Евангеліе, потому что путемъ опыта и долгихъ разсужденій дознали, что это — истина. А почему мы повѣрили всему, открытому намъ І. Христомъ? Потому что оцѣнили Его личность опять-таки путемъ свободнаго изслѣдованія, слѣд. цѣпью и рядомъ доступныхъ намъ знаній, и оцѣнивъ эту личность, полюбили ее. А любовь заключаетъ въ себѣ дружбу, слѣдов. полное довѣріе къ возлюбленной личности. То правда, что говоритъ нашъ авторъ, что область вѣры должна уменьшаться по мѣрѣ увеличенія знанія. И Апостолъ говоритъ, что мы только теперь ходимъ путемъ вѣры, все видя какъ бы сквозь тусклое стекло, между тѣмъ какъ тамъ мы все увидимъ лицемъ къ лицу. Но это касается только предмета вѣры. Самая вѣра, какъ способность нашей души и какъ необходимая принадлежность природы нашего духа, останется при насъ вѣчно, такъ какъ мы никогда не будемъ имѣть непосредственнаго знанія

сущности всего сущаго, иначе мы были бы сами боги. Вѣра и въ вѣчности останется для насъ звѣномъ, связующимъ съ Божествомъ, съ нашей стороны какъ выраженіе любви, со стороны Богая какъ выраженіе благости.

III.

Что должно быть предметомъ вѣры?

Вопросъ, что должно быть предметомъ вѣры, рѣшается самъ собою, какъ скоро понята сущность вѣры и ея нравственное значеніе въ природѣ человѣка. Главное въ этомъ — не смѣшивать вѣры съ такъ называемыми вѣрованіями, какъ безотчетными, темными и часто застращенными принятіями на вѣру извѣстныхъ сказаній. Мы совершенно согласны съ нашимъ авторомъ въ томъ, что всѣ эти сказанія не должны быть предметомъ непоколебимаго вѣрованія. Да и трудно себѣ представить, чтобы кто-нибудь изъ людей, даже, по выраженію автора, сумасшедшихъ фанатиковъ, пошелъ въ огонь или положилъ голову свою на плаху за стадо свиней, потонувшее въ морѣ. Здѣсь менѣе всего виновата невѣжественная масса, не имѣющая понятія о законахъ природы; а виноваты образованныя массы, которыя, какъ дѣти, обрадовались одному открытому имъ смѣшному факту и

начали хохотать, находя удовольствіе въ самомъ смѣхѣ. Надо стать на слишкомъ ребяческую точку зрѣнія, чтобы предположить, будто люди могли вѣровать серьёзно, т. е. жизненно, въ какое нибудь явленіе Бога въ цвѣткѣ лотоса или горящемъ и не сгаравшемъ кустѣ, какъ въ такія истины, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть. Дѣло было гораздо проще. Всѣ эти сказанія оставляли стоять въ книгахъ, глубоко уважаемыхъ за ихъ нравственное содержаніе. Даже ревностные хранители этихъ священныхъ кодексовъ возставали за каждую букву оныхъ скорѣе изъ пугливаго опасенія, чтобы изъ за одной ненаучной невѣроятности не подорвалось уваженіе ко всему кодексу, а не изъ-за сердечныхъ вѣрованій въ остановку солнца по слову Іисуса Навина. Наука конечно просвѣщаетъ многое въ естественныхъ явленіяхъ; но самъ же авторъ Вопросовъ намъ доказалъ въ предъидущей статьѣ, что эта наука далеко еще не дошла до положительныхъ знаній даже въ области положительныхъ свѣдѣній. Поэтому слишкомъ смѣло сказать, что наука, основываясь на неопровержимыхъ данныхъ, восторжествуетъ надъ умами такъ, что они перестанутъ вѣровать во все чудесное. Намъ кажется напротивъ: по мѣрѣ того, какъ наука идетъ впередъ, она открываетъ новыя чудеса въ твореніи. Самое слово чудо выражаетъ собою предметъ удивленія чему-то прежде невиданному. Въ

этомъ отношеніи много чудесъ совершается и на нашихъ глазахъ. Развѣ не чудо одинъ электромагнетическій телеграфъ? Мы не считаемъ его чудомъ развѣ только потому, что можемъ пользоваться имъ ежедневно, а въ сущности это все-таки чудо, такъ какъ мы не знаемъ ни сущности этого двигателя, ни его даже законовъ. Стало быть, только одна привычка къ явленію отнимаетъ у него значеніе чуда. Но тѣмъ не менѣе и мы согласны съ тѣмъ, что искать для вѣры опоры въ элементѣ чудеснаго было бы очень ошибочно, когда для этого есть другія, гораздо прочныя, основанія въ нравственной природѣ человѣка. Для духовнаго развитія человѣка вовсе не важны даже такіе факты, какъ приснодѣвство Маріи. Но отвергать эти факты потому только, что они не подходятъ подъ открытые нами доселѣ законы природы, было-бы болѣе, чѣмъ рискованно. Мы такъ довольны собою, когда откроемъ новое явленіе, подрывающее какой нибудь авторитетъ; но за то какъ умнѣемъ, когда видимъ, что новое открытіе въ этой области возстановляетъ этотъ же самый авторитетъ. Въ послѣднее время такъ усердно ищутъ ископаемаго человѣка, чтобы этимъ подорвать окончательно бытописаніе Моисея, и разъ уже нашли было черепъ, по которому опредѣлили уже и возрастъ этого ископаемаго человѣка, какъ вдругъ оказалось, что то былъ черепъ огромной лягушки. Этотъ

V.

Отвѣты Библіи и Евангелія на главные вопросы человѣческаго духа и оправданіе оныхъ.

Въ этой статьѣ намъ приходится слѣдить за нашимъ авторомъ по пятамъ, и останавливать его на каждомъ шагу, — не потому, чтобы онъ шелъ слишкомъ быстро въ своихъ заключеніяхъ, но собственно потому, что онъ постоянно сбивается съ настоящей дороги, уклоняясь то въ сторону темнаго недоразумѣнія, то въ непроходимую чащу однихъ житейскихъ обыденныхъ соображеній. На его языкѣ всякая высокая идея, возвышающаяся надъ мелочью подробностей жизни, есть увлеченіе, всякой натуральный исходъ нравственныхъ запутанностей есть теорія. Мы также, какъ и нашъ авторъ, не хотимъ придираться къ словамъ, но не можемъ не замѣтить, что и теорія, и философскій смыслъ, и идея, и даже миѳъ имѣютъ свое значеніе не только филологическое, но и внутреннее — историческое или нравственное. Поэтому нельзя отдѣлываться отъ самыхъ глубокихъ

лый взглядъ на природу человѣка и внутреннюю силу убѣжденія въ истинѣ. Но гдѣ взять силу исполнять эти правила? Еще болѣе — для чего стараться и трудиться надъ исполненіемъ? Для того развѣ, чтобы прослыть мудрымъ? Или для того, чтобы быть настоящимъ браминомъ? Стоитъ ли изъ за этого обращаться въ вѣру Конфуція или въ послѣдователи Ману? Пусть каждый прочитаетъ со вниманіемъ эти приложенія къ разбираемой нами брошюрѣ (стр. 86—95) и, положивъ руку на сердце, скажетъ, вынесъ ли онъ изъ этого чтенія хоть какое-нибудь успокоеніе для души своей? Одно, что онъ можетъ отвѣтить себѣ, это: да все это вѣрно! и больше ничего. Здѣсь въ этихъ выпискахъ нѣтъ даже и вѣры, а одно только ученіе. Здѣсь не религія, а только школа. Для религіи не достаетъ здѣсь главнаго — указанія пути къ единенію съ Богомъ. Нравственное совершенство, вырабатываемое одними правилами, это — іезуитизмъ. Надобно, чтобы человѣкъ былъ совершенъ потому, что онъ человѣкъ, а не потому что онъ долженъ стараться не нарушать только предписанныхъ ему правилъ. Правила нравственности только поверстные столбы, указующіе человѣку путь въ небо, т. е. къ его блаженству. Поэтому-то христіанство не есть ученіе, но возстановленіе человѣка въ его первобытное совершенство. Нашъ авторъ очень заблуждается, думая, что только невѣжество

сказаній Моисея о грѣхопаденіи человѣка съ умозаключеніями философа, углубляющагося въ причины нравственнаго безпорядка, и въ миѳѣ библейскомъ признаетъ оболочку міровой идеи. Но, говоря добросовѣстно, уже изъ одного того, что тысячелѣтнія усилія ума человѣческаго не могли ничѣмъ другимъ объяснить происхожденія зла, кромѣ Моисеева миѳа о грѣхопаденіи, слѣдовало-бы заключить, что этотъ миѳъ есть великая непрерѣкаемая истина. Странно только представить себѣ возникновеніе этого миѳа въ такомъ видѣ, какъ это хочетъ уяснить себѣ нашъ авторъ. Легко сказать, будто Моисей рѣшилъ этотъ міровой вопросъ только потому, что ему, какъ вѣроучителю, надо было рѣшить всѣ вопросы. Почему же другіе вѣроучители, всѣ эти Конфуціи, Магометы и имъ подобные, которымъ также важно было рѣшить этотъ вопросъ, не прибѣгли къ какой-нибудь еще болѣе вѣроятной сказкѣ? По словамъ нашего антагониста миѳъ Моисеевъ оказался и глубокомысленнымъ и необъятно плодотворнымъ. Не явное ли доказательство, что въ этомъ миѳѣ лежала не только міровая идея, но самая истина? Слово миѳъ здѣсь нисколько не умаляетъ, равно какъ и не прибавляетъ силы самого факта. Назовите это по русски сказкою, сказаніемъ, преданіемъ или откровеніемъ, сущность дѣла остается таже. Здѣсь сила и не въ запрещенномъ плодѣ, и не въ змѣѣ, а въ

IV.

Отличіе вѣроученія отъ философской системы.

Весьма правильно отличать вѣроученіе отъ философской системы тѣмъ, что первое даетъ готовые результаты убѣжденій въ видѣ афоризмовъ или краткихъ правилъ, между тѣмъ какъ философская система ведетъ умъ по всѣмъ степенямъ и изгибамъ человѣческой логики. Но въ этомъ и состоитъ главная сила и существенное преимущество вѣроученія надъ любомудрствованіемъ. Послѣднее всегда было и есть гимнастика ума, въ которой истина стоитъ на второмъ планѣ, а главное дѣло лежитъ въ расправленіи крыльевъ ума, стремящагося къ полету въ безконечное. Вѣроученіе, какъ продуктъ не только глубокаго убѣжденія, но и яснаго сознанія истины, предлагаетъ готовые результаты не столько въ смыслѣ навязыванія ихъ сознанію другихъ, сколько по естественному порядку логическаго строя нашей

души. Каждое изъ нашихъ сужденій есть также продуктъ наведенія и внутренней работы мысли. Но разъ покончивъ эту черновую работу, умъ уже не возвращается къ ней, произнося готовый результатъ въ видѣ афоризма или правила. Мы говоримъ: свѣтло, холодно, жалко. Всё это афоризмы мысли или ощущенія, разлагаемые на множество посредствующихъ понятій и впечатлѣній, которыя однако не приводятся каждый разъ отдѣльно въ сознаніе. Хотите философствовать, можете каждый изъ этихъ афоризмовъ сдѣлать темою разсужденія и писать цѣлыя системы о свѣтѣ, теплѣ или чувствѣ сожалѣнія. Вѣроученіе является въ видѣ готовыхъ результатовъ мысли вовсе не изъ желанія запугать людей, пропуская ихъ, какъ выражается остроумно нашъ авторъ, чрезъ таможню человѣческаго разума, за пломбой божественнаго происхожденія. Это можно еще приложить къ какимъ либо темнымъ религіознымъ сектамъ, которыя, не чувствуя за собою искренняго сознанія истины, дѣйствительно прячутся за чудесное и таинственное. Христіанская вѣра, давая также готовые результаты, сама настаиваетъ на индивидуальномъ исканіи и испытаніи. „Ищите и обрящете“; „испытайте писанія, и сами увидите“: „вы должны быть готовы дать отвѣтъ всякому вопрошающему.“ Это ужъ не заколдованная таинственность, за завѣсу которой запрещалось бы про-

никать непосвященному глазу. Это напротивъ свѣтъ, открытый для всѣхъ, имѣющихъ зрѣніе. Авторъ нашъ никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что первые ученики Христовы были люди совершенно невѣжественные, и изъ этого выводитъ заключеніе, что и христіанство имѣло цѣлію не столько убѣдить, сколько внушить. Мы не станемъ спорить о словахъ, но повторимъ опять, что невѣжество не исключаетъ воспріимчивости духа къ принятію истины, и что внушеніе относится къ убѣжденію, какъ преподаваніе къ задаванію уроковъ. Ни то, ни другое само по себѣ не сильно развивать умъ или вліять на волю, пока и то и другое не войдетъ въ сознаніе человѣка и не будетъ усвоено имъ, какъ свое, какъ укладывающееся въ рамки его понятій. Сила и мощь истиннаго откровенія въ томъ и состоитъ, что истины, имъ открываемыя, знакомы человѣческому духу даже прежде ихъ открытія. І. Христосъ намъ объявилъ, что мы — дѣти Божіи, что Богъ, это существо абсолютно непонятное, безконечно удаленное отъ насъ своею природою, есть нашъ Отецъ; и мы сейчасъ поняли это сердцемъ, потому что такимъ именно и чувствовался намъ Богъ, но мы не смѣли и не умѣли только себѣ этого усвоить.

Но чтобы открыть такую истину, не достаточно было только додуматься до нея. Нужно было особое полномочіе отъ самого Бога, чтобы отъ лица его дать

людямъ право быть и дѣлаться сынами Божіими. Отсюда-то и происходитъ различіе судьбы философскихъ системъ отъ судьбы истинной религіи, какъ связи души съ Богомъ. Для успѣха распространенія извѣстнаго вѣроученія или философской системы мало было одной только энергіи первыхъ основателей или распространителей ихъ. Для этого нужна была прежде всего воспріимчивость людей, а эта воспріимчивость обусловливалась извѣстнымъ сродствомъ души съ сообщаемымъ имъ ученіемъ. И Магометанство, и Буддизмъ нашли себѣ послѣдователей. Но довольно взглянуть на спячку этихъ народовъ, чтобы убѣдиться, что эти вѣроученія приняты ими на вѣру, только изъ уваженія къ генію учителей, да можетъ быть, за неимѣніемъ лучшаго, но вовсе не проникли въ ихъ сознаніе до такой степени, чтобы пробудить ихъ духъ на самостоятельную работу самоусовершенствованія, идеаломъ котораго въ христіанствѣ поставлено совершенство Божества, доступнаго намъ по титулу Отца нашего. „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ.“

То, что авторъ нашъ говоритъ о постепенности въ развитіи религіозныхъ идей, совершенно справедливо даже въ приложеніи къ христіанству, какъ вѣроученію. Но личность І. Христа, какъ Спасителя, стоитъ внѣ ряда этихъ постепенныхъ развитій. Какъ основатель религіи, самъ какъ зерно и средоточіе

этой религіи, Онъ не можетъ быть поставленъ въ рядъ вѣроучителей. Его значеніе, какъ личнаго посредника между Богомъ и человѣкомъ, между человѣкомъ и Богомъ, возвышаетъ Его самого въ нашемъ сознаніи до высоты Сына Божія и даже Бога. Что касается до ученія, разработаннаго Церковію, то это другое дѣло. Здѣсь уже не религія, но вѣроученіе, какъ система религіозныхъ убѣжденій. Вселенскіе соборы, равно какъ и самое Евангеліе, при этомъ имѣютъ значеніе только указателей пути въ Царствіе Божіе и направителей общественнаго строя Церкви.

какъ не отъ этого эгоизма всѣхъ и каждаго, въ слѣдствіе котораго никто не хочетъ пожертвовать собственною выгодою, отказаться отъ привычныхъ удобствъ жизни, въ пользу общую? Царство Божіе есть идеалъ всесторонняго развитія человѣчества. Проповѣдникъ этого царства долженъ былъ сказать всю правду на этотъ счетъ, и правда эта оправдывается на каждомъ шагу передъ нашими глазами. Богатые и сильные міра съ трудомъ и съ большою борьбою за свои преимущества уступаютъ малую часть своихъ пріобрѣтенныхъ правъ въ пользу массъ, заявляющихъ справедливо и свои права на жизнь и ея блага. Соціализмъ настоящаго времени дѣйствительно имѣетъ корень свой въ Евангеліи. Кто могъ занести на землю такое высокое ученіе о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, кромѣ Сына Божія, возвѣстившаго людямъ усыновленіе ихъ во имя Его Богу — отцу? Но отъ чего этотъ соціализмъ такъ вооружилъ противъ себя даже самыхъ лучшихъ изъ христіанъ? Отъ того, что высокія начала этого ученія были, такъ сказать, выкрадены изъ христіанства, но не усвоены вѣрою сердца и не вошли въ ясное сознаніе самыхъ проповѣдниковъ его. Основной камень христіанства — это отреченіе отъ собственнаго эгоизма и замѣнъ его взаимною любовію. Современные же соціалисты, руководясь сами эгоизмомъ, возбуждаютъ только ненависть въ неимущихъ къ богатымъ. Клевета, будто

вопросовъ человѣческаго духа, какъ на пр. единобожіе или безсмертіе души, одними намеками на то, что это все философскія теоріи, до которыхъ человѣкъ додумался только вѣками. Или истина есть дѣйствительное достояніе человѣка, или мысль его только игра нервъ и мозга. Въ послѣднемъ случаѣ нечего и допрашивать Библію на счетъ главныхъ задачъ человѣческаго ума и сердца. Но если знаменитый Гегель дѣйствительно додумывается путемъ глубокаго анализа до такого результата, который изложенъ Моисеемъ въ ритмической простотѣ разсказа фактовъ, то слѣдуетъ заключить, что въ Библіи истина предшествовала теоріи, такъ точно, какъ и вообще теорія бываетъ произведеніемъ факта, а не на оборотъ. За чѣмъ нашему автору непремѣнно хочется, чтобы Моисей былъ наслѣдникомъ древнѣйшихъ, Египетскихъ или индѣйскихъ, философовъ? Не все ли равно для мыслителя, кто первый сказалъ истину, Еврей или Индѣецъ? Это важно для исторіи и можетъ имѣть послѣдствія для хватающихся за каждую нить, только бы порвать нелюбимое ими преданіе, по ихъ понятію стѣсняющее свободу самостоятельнаго мышленія. Но вотъ Гегель дошелъ же до библейскаго результата путемъ самаго свободнаго размышленія. Пусть же идутъ тѣмъ же путемъ и другіе!

И дѣйствительно, самъ авторъ нашей брошюры даже путемъ невѣрія доходитъ однако до соглашенія

сказаній Моисея о грѣхопаденіи человѣка съ умозаключеніями философа, углубляющагося въ причины нравственнаго безпорядка, и въ миѳѣ библейскомъ признаетъ оболочку міровой идеи. Но, говоря добросовѣстно, уже изъ одного того, что тысячелѣтнія усилія ума человѣческаго не могли ничѣмъ другимъ объяснить происхожденія зла, кромѣ Моисеева миѳа о грѣхопаденіи, слѣдовало-бы заключить, что этотъ миѳъ есть великая непрерѣкаемая истина. Странно только представить себѣ возникновеніе этого миѳа въ такомъ видѣ, какъ это хочетъ уяснить себѣ нашъ авторъ. Легко сказать, будто Моисей рѣшилъ этотъ міровой вопросъ только потому, что ему, какъ вѣроучителю, надо было рѣшить всѣ вопросы. Почему же другіе вѣроучители, всѣ эти Конфуціи, Магометы и имъ подобные, которымъ также важно было рѣшить этотъ вопросъ, не прибѣгли къ какой-нибудь еще болѣе вѣроятной сказкѣ? По словамъ нашего антагониста миѳъ Моисеевъ оказался и глубокомысленнымъ и необъятно плодотворнымъ. Не явное ли доказательство, что въ этомъ миѳѣ лежала не только міровая идея, но самая истина? Слово миѳъ здѣсь нисколько не умаляетъ, равно какъ и не прибавляетъ силы самого факта. Назовите это по русски сказкою, сказаніемъ, преданіемъ или откровеніемъ, сущность дѣла остается таже. Здѣсь сила и не въ запрещенномъ плодѣ, и не въ змѣѣ, а въ

актѣ свободной воли человѣка, захотѣвшаго попробовать быть богомъ. Это и было первое грѣхопаденіе, т. е. упадокъ или ослабленіе естественнаго человѣку стремленія къ добру въ слѣдствіе грѣха или ошибки разума, созданнаго по подобію разуму Божественному, но минутно отрѣшившагося отъ своего первообраза и потому заблудившагося. Это яснѣе всего видно изъ внимательнаго разсмотрѣнія нравственнаго ученія Библіи.

Если это ученіе въ ветхомъ завѣтѣ представляется холоднымъ, формальнымъ и строгимъ до безсердечности, то это именно объясняется тѣмъ состояніемъ, въ которое поставилъ себя самъ человѣкъ по отношенію къ Богу. Бывъ по началу любимымъ твореніемъ, можно сказать, изліяніемъ любви своего творца, онъ вдругъ отвергнулъ отъ себя эту творческую любовь, сказавъ себѣ: будемъ сами, какъ боги. Не мудрено, что послѣ этого слышался ему одинъ только строгій голосъ правды, заглушаемый однимъ эгоизмомъ. Тамъ, гдѣ произошла ссора, не ждите дружескихъ объятій прежде примиренія. Но потребности сердца, вложенныя отъ природы въ человѣка, какъ справедливо выражается нашъ авторъ, предъявляли свои права. Человѣку хотѣлось помириться съ Богомъ. Но прямаго пути къ этому онъ не находилъ однимъ своимъ разумомъ, несовершеннымъ по природѣ и еще болѣе запутавшимся въ изъисканіи

этихъ путей въ слѣдствіе уклоненія отъ руководительства разумомъ Божіимъ. Вотъ и являются секты, подобныя Ессеянамъ и Терапевтамъ, т. е. группы людей, придумывающихъ себѣ разные способы приблизиться опять къ Богу, какъ источнику и свѣта и блаженства. При этомъ неминуемо являлись увлеченія то въ ту, то въ другую сторону, такъ какъ главный путь къ Богу, путь вѣры и любви, еще не былъ открытъ человѣчеству.

Нашъ авторъ не понялъ этой главной задачи христіанства, и потому, смотря на него съ одной только точки вѣроученія, въ самой личности Христа видитъ только вѣроучителя, забывая или незная его міроваго значенія, какъ примирителя и посредника между Богомъ и человѣкомъ. Автору нашему понравилось слово увлеченіе, слово неопредѣленное настоящимъ смысломъ, и онъ думаетъ легко отдѣлаться имъ отъ такихъ важныхъ психическихъ явленій, какъ мученичество за вѣру или подвиги самоотверженія. Такъ отвѣчать на подобные факты внутренней жизни человѣка — значитъ походить на тѣхъ нелюбящихъ мыслить людей, которые въ отвѣтъ на всѣ трудные вопросы произносятъ свое легкое слово: глупости! Мы съ полнымъ правомъ причисляемъ къ разряду этихъ людей всѣхъ тѣхъ, для кого „нѣтъ сомнѣнія, что вся жизнь и проповѣдь Іисуса была однимъ увлеченіемъ.“ Увлечься можно чѣмъ-нибудь интерес-

нымъ на нѣкоторое время, при чемъ вниманіе души отвлекается отъ всего прочаго, даже существеннаго. Но увлечься на цѣлую жизнь въ одну какую-либо сторону можно только при парціальномъ съумасшествіи, какъ это бываетъ съ людьми, которыхъ называютъ маніаками. Если же человѣкъ при здравомъ состояніи умственныхъ способностей одушевляется одною мыслію, на нее одну напрягаетъ всѣ свои нравственныя силы, то это по меньшей мѣрѣ надо назвать одушевленіемъ, даже энтузіазмомъ, но ужъ никакъ не увлеченіемъ. Но, можетъ быть, нашему автору показалось увлеченіемъ ученіе І. Христа потому, что ему не понятно, какимъ образомъ такое высокое ученіе могло уложиться въ рамки земной жизни человѣка! Въ такомъ случаѣ мы готовы просвѣтить на этотъ счетъ какъ его самого, такъ и читателей его „Вопросовъ вѣры и знанія“, и для этого пойдемъ за нимъ шагъ за шагомъ, объясняя непонятное ему и опровергая худопонятое имъ.

Первое, что соблазнило въ этомъ отношеніи нашего автора, это — требованіе І. Христомъ отреченія отъ семейства и всякаго имущества. Но, ставя этотъ вопросъ, самъ авторъ находитъ буквальное пониманіе его нелѣпымъ, и потому опять-таки объясняетъ его очень просто „страстнымъ увлеченіемъ“, родившимся подъ вліяніемъ убѣжденій въ близкомъ концѣ міра и пришествіи царствія Божія,

къ которому земная жизнь должна была служить только приготовленіемъ. Что касается до конца міра, то подъ впечатлѣніемъ этого страха не разъ являлись, являются по временамъ и доселѣ, строгіе проповѣдники, и на время смущаютъ и застращиваютъ пугливыя совѣсти. Но проходитъ время, конецъ міра не настаетъ, и все приходитъ въ прежній порядокъ: люди начинаютъ жить по старому и грозный проповѣдникъ предается забвенію. Съ христіанствомъ однако этого не случилось и вѣроятно потому, что его ученіе не мотивировалось однимъ только временнымъ страхомъ конца міра, но имѣло свои корни во глубинѣ нравственной природы человѣка. Другое дѣло — пришествіе царствія Божія на землю, о которомъ мы молимся ежедневно въ молитвѣ Господней. Здѣсь есть глубокій смыслъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься, не обходя его такъ легкомысленно однимъ названіемъ увлеченія. Царствіе Божіе — это полное возстановленіе естественныхъ отношеній человѣка къ Богу и Бога къ человѣку. Это — идеалъ совершенной, правильной жизни всего человѣчества, къ которому по праву жизнь каждаго отдѣльнаго лица должна служить приготовленіемъ. Міровой прогрессъ идетъ такимъ же путемъ приготовленія частныхъ личностей къ общему благу. На этомъ пути всѣ препятствія должны быть устранены, пусть это будетъ богатство или семейныя привязанности.

Развѣ мы не благословляемъ память героевъ, отрывающихся отъ семьи и безкорыстно жертвующихъ собою на общее благо? Зачѣмъ же авторъ нашъ не признаетъ въ христіанствѣ такого же требованія отреченія отъ семейства и богатства на благо нравственнаго усовершенствованія всего человѣчества? Неужели онъ могъ не понять, что требованія эти не относились къ каждому христіанину безъотносительно ко всему христіанству? Неужели онъ не зналъ, что Самъ же І. Христосъ благословлялъ и семейство и даже навлекъ на себя отъ враговъ своихъ порицаніе за то, что онъ былъ другомъ мытарямъ и грѣшникамъ, большею частію людямъ богатымъ? Мы этому не вѣримъ. Если хочешь критиковать такое дѣло, какъ христіанство, по крайней мѣрѣ нужно знать его исторію и духъ его. Но авторъ нашъ не хочетъ этого знать и пускается почти въ ребяческое толкованіе безсмысленнаго требованія отъ всѣхъ и каждаго добровольнаго отреченія отъ имущества. Ему показалось даже, что богатому закрывается даже входъ въ царствіе небесное, между тѣмъ какъ І. Христосъ, сердцевѣдецъ и знатокъ природы человѣческой, объяснялъ трудность внутренней борьбы человѣка съ своимъ эгоизмомъ, съ своими эфемерными привязанностями на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ отъ чего общее благо нейдетъ впередъ такими быстрыми шагами, какъ бы этого хотѣлось друзьямъ человѣчества,

какъ не отъ этого эгоизма всѣхъ и каждаго, въ слѣдствіе котораго никто не хочетъ пожертвовать собственною выгодою, отказаться отъ привычныхъ удобствъ жизни, въ пользу общую? Царство Божіе есть идеалъ всесторонняго развитія человѣчества. Проповѣдникъ этого царства долженъ былъ сказать всю правду на этотъ счетъ, и правда эта оправдывается на каждомъ шагу передъ нашими глазами. Богатые и сильные міра съ трудомъ и съ большою борьбою за свои преимущества уступаютъ малую часть своихъ пріобрѣтенныхъ правъ въ пользу массъ, заявляющихъ справедливо и свои права на жизнь и ея блага. Соціализмъ настоящаго времени дѣйствительно имѣетъ корень свой въ Евангеліи. Кто могъ занести на землю такое высокое ученіе о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, кромѣ Сына Божія, возвѣстившаго людямъ усыновленіе ихъ во имя Его Богу — отцу? Но отъ чего этотъ соціализмъ такъ вооружилъ противъ себя даже самыхъ лучшихъ изъ христіанъ? Отъ того, что высокія начала этого ученія были, такъ сказать, выкрадены изъ христіанства, но не усвоены вѣрою сердца и не вошли въ ясное сознаніе самыхъ проповѣдниковъ его. Основной камень христіанства — это отреченіе отъ собственнаго эгоизма и замѣнъ его взаимною любовію. Современные же соціалисты, руководясь сами эгоизмомъ, возбуждаютъ только ненависть въ неимущихъ къ богатымъ. Клевета, будто

христіанство подало широкій поводъ къ нищенству и тунеядству, опровергается первою общиною христіанъ, въ которой не было ни бѣдныхъ ни богатыхъ, и которая продолжила свое существованіе не долго только потому, что и сюда вкрался человѣческій эгоизмъ сперва въ лицѣ Ананіи и Сапфиры, а потомъ и подъ маскою національной протекціи Іудеевъ въ уронъ инородцевъ. Истинное христіанство не возметъ подъ свою защиту тѣхъ тунеядцевъ, которые подъ рясою духовенства или монашествующихъ считали себя въ правѣ жить на счетъ общества. Въ исторіи церкви можно встрѣтить множество злоупотребленій, начиная отъ тунеядства какихъ либо босоногихъ кармелитовъ до властолюбія и роскоши римскихъ первосвященниковъ. Но злоупотребленія не измѣняютъ сущности добрыхъ правилъ. Надо вовсе не понимать духа христіанства, чтобы возводить на него такую клевету, какъ огрубеніе и разложеніе общества. Еще не было примѣра, чтобы народъ въ слѣдствіе евангельской проповѣди возставалъ противъ собственности. Простой народъ простымъ человѣческимъ смысломъ понимаетъ лучше другихъ мыслителей, задумывающихся надъ вопросами вѣры и знанія, что́ значитъ отдать нуждающемуся брату даже рубашку, и навѣрное не станетъ исполнять этого буквально, какъ долга, предписываемаго каждому человѣку; иначе всѣ христіане стали бы ходить

безъ рубахъ,-прося другъ друга принять этотъ даръ, только бы исполнить христіанскій долгъ. Но авторъ нашъ соблазняется словами, не постигая ихъ смысла, и говоритъ, что „это (т. е. предписанія отдать и рубашку) божественныя истины, которыя пребудутъ во вѣки, хотя бы земля и небо измѣнились.“ По этой теоріи каждая буква въ Евангеліи есть непререкаемая и вѣчная истина, не смотря на то, что Само Писаніе говоритъ: буква умерщвляетъ, а духъ животворитъ. Въ слѣдствіе этого нашъ авторъ опасается, что подъ вліяніемъ христіанства грубыя массы народа непремѣнно восторжествуютъ надъ образованными, — тѣмъ болѣе, что Евангеліе такъ прославляетъ „простоту и невѣжество.“ Онъ такъ увлекся опасеніемъ, будто въ христіанствѣ наука не нужна, такъ какъ невѣжество угоднѣе Богу, что не посовѣстился назвать этотъ парадоксъ „одною изъ сущностей Евангельскаго ученія.“

Нужно ли входить по этому поводу въ историческія препиранія съ авторомъ подобной нелѣпой мысли? Нужно ли доказывать ему и его читателямъ то, что современный опытъ яснѣе всего оправдываетъ фактами? Развѣ не христіанскіе народы стоятъ во главѣ всего міра по своему образованію и цивилизаціи? Развѣ не Евангеліе разсѣяло повсюду, куда оно только проникло, мракъ невѣжества и соединенной съ нимъ грубости нравовъ? Но мы хотимъ лучше

изъ сущности самого христіанства доказать, что главною задачею его было развитіе сознанія въ человѣкѣ и въ слѣдствіе этого освобожденіе его отъ тьмы предразсудковъ и мглы невѣжества. Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными — сказалъ во всеуслышаніе І. Христосъ къ увѣровавшимъ въ Него (Іоан. VIII, 32). Нигдѣ и никогда не было высказано такой эманципаціи человѣческаго разума, какъ въ этихъ словахъ. Познать истину — это такая задача, которая обнимаетъ всю сферу дѣятельности не только умственной, но и нравственной жизни. До христіанской эпохи человѣкъ терялся въ однихъ теоріяхъ, увлекаясь по временамъ въ область фантазіи. Истина была далека отъ него, потому что не проникала въ жизнь и не касалась главныхъ задачъ существованія человѣка, его прямыхъ и правильныхъ отношеній къ Богу. Когда явился на землѣ Спаситель въ образѣ посредника между Богомъ и человѣкомъ, его первою проповѣдію было воззваніе къ покаянію, т. е. къ сознанію своей ошибки, своего заблужденія въ употребленіи нравственныхъ силъ. Трудно было на первый разъ уму человѣческому оставить свою добытую вѣками логику; во многихъ случаяхъ ему приходилось преклонять свой разумъ въ послушаніе вѣрѣ, — такъ далека была его логика отъ истины. Въ такомъ-то состояніи естественно было простакамъ, т. е. неиспорченнымъ

еще предвзятыми убѣжденіями, принять открытымъ сердцемъ новое ученіе, и І. Христосъ былъ въ правѣ благодарить Отца Своего Небеснаго за то, что это откровеніе на первыхъ порахъ было недоступно для умныхъ и ученыхъ вѣка того; иначе они сдѣлали бы изъ этого откровенія ученіе въ родѣ того, какимъ оно представляется автору Вопросовъ, не понявъ ни внутренняго смысла его, ни глубокаго значенія для цѣлой нравственной жизни человѣка. Нашъ авторъ, искренній впрочемъ мыслитель, никакъ не можетъ отрѣшиться въ своихъ воззрѣніяхъ на религію отъ прагматическаго положенія этого вопроса въ данную минуту. Поэтому для него довольно одной черты какихъ-нибудь клерикальныхъ стремленій папства, чтобы осудить за это самое христіанство въ невѣжествѣ и враждѣ противъ цивилизаціи. Но пусть бы онъ прочиталъ 23^ю^ главу Евангелія отъ Матѳея, и положа руку на сердце, сказалъ бы себѣ и намъ, что какъ тогда на Моиссеевомъ, такъ теперь на Христовомъ сѣдалищѣ, возсѣли книжники и Фарисеи, которые вполнѣ залсуживаютъ всѣ тѣ обличенія и укоризны, которыми осыпалъ своихъ современниковъ Учитель истины. „Жизнь человѣчества потому только и имѣетъ смыслъ, что она есть вѣчное исканіе истины.“ Какая великая правда! и какъ нашъ авторъ, задаваясь такими высокими и свѣтлыми идеями, можетъ рядомъ съ этимъ впадать и въ такія ребяческія

раздумья, какъ на пр. будто откровеніе божественное, явившись на землѣ, могло положить конецъ этимъ вѣчнымъ стремленіямъ къ истинѣ, и человѣкъ пересталъ бы жить какъ существо разумное? Неужели подъ именемъ откровенія можно представлять себѣ какой-то коробъ готовыхъ истинъ, спущенный съ неба для утоленія умственнаго голода до пресыщенія? И какая въ томъ была бы польза человѣку, если бы онъ узналъ съ неба, что тамъ есть Богъ, что Онъ троиченъ, что будетъ жизнь вѣчная, и за тѣмъ, помолясь Богу, легъ спать до конца жизни? Нѣтъ; здравый смыслъ долженъ подсказать каждому, что всѣ откровенныя истины только попутные столбы на дорогѣ самодѣятельнаго стремленія человѣка къ Богу. Не въ томъ сила откровенія, что оно какъ бы навязываетъ человѣку новыя убѣжденія, а въ томъ, что оно помогаетъ сознанію вырабатывать изъ глубины себѣ истины, присущія духу человѣческому по природѣ, но затемненныя и запутанныя вѣками отчужденія человѣка отъ Бога, какъ начала, средоточія и послѣдняго предѣла истины. Пусть поймет каждый мыслитель напередъ смыслъ усыновленія человѣка Богу во имя Христово, и тогда онъ не станетъ пугаться, какъ ребенокъ, такихъ привиденій, какъ всѣ эти мнимыя прославленія невѣжества, бѣдности, смиренія въ христіанствѣ.

Но нашъ авторъ слишкомъ серьезно нападаетъ на каждое слово Евангелія, такъ что невозможно уклониться отъ его ударовъ, не поднимая щита вѣры на каждомъ шагу. Такъ на счетъ прославленія смиренія въ Евангеліи онъ говоритъ: „Евангеліе говоритъ: если кто ударитъ тебя въ правую ланиту, подставь ему и лѣвую. Разумно-ли такое требованіе? не достаточно-ли было сказать: прощай обиду, тебѣ сдѣланную!“ Прежде чѣмъ отвѣчать на это, мы обратимся къ самому вопрошателю съ вопросомъ: считаетъ-ли онъ Евангеліе кодексомъ закона, въ которомъ излагаются правила по главамъ и параграфамъ? Или онъ согласится съ тѣмъ, что Евангеліе есть историческая книга, въ которой передаются факты и событія извѣстнаго времени? Если онъ на первый вопросъ скажетъ: да, то мы ему отвѣтимъ, что онъ очень ошибается, и изъ одного этого заключимъ, что онъ не выразумѣлъ сущности христіанства, которое по одному этому не есть только ученіе, что оно въ самомъ началѣ своемъ не вооружилось никакимъ писаннымъ кодексомъ, основавъ всю жизнь человѣка на свободномъ самоопредѣленіи, просвѣщаемомъ вѣрою, окрыляемомъ надеждою и согрѣваемомъ любовію. Если же надо согласиться на второе, то мы готовы сейчасъ же отразить нападеніе противника. Онъ говоритъ: недостаточно-ли было бы сказать: прощай обиду? Отвѣчаемъ: недо-

статочно; потому что чему противополагается такое рѣзкое слово? другому очень рѣзкому закону: око за око, зубъ за зубъ. Не даромъ во вступленіи къ этой рѣчи І. Христосъ сказалъ своимъ слушателямъ: „если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царствіе небесное.“ Надо было знать испорченность тогдашнихъ нравовъ, упадокъ всякихъ понятій о нравственномъ долгѣ, о чести и справедливости, чтобы умѣть говорить съ такими людьми ихъ же языкомъ. Придумали же они себѣ законныя увертки даже отъ ясныхъ заповедей, какъ на пр. почитаніе родителей; могли бы также точно понять и прощеніе обиды, выбивъ напередъ одному зубъ, а другому глазъ. Другое дѣло, когда такой человѣкъ слышитъ новое ученіе въ противоположной до осязательности формѣ. Здѣсь уже некуда уклониться. Не даромъ говорилъ и сатана, отправлявшійся на искушеніе Іова, что человѣкъ все перенесетъ, пока не коснешся плоти его. Съ маленькими дѣтьми говорятъ же въ ихъ убѣжденіе: а что если бы тебя самого ударили или обидѣли? Здѣсь также не слѣдуетъ практическое приложеніе самой угрозы, однако такой образъ бываетъ понятнѣе для неразвитаго еще сознанія дитяти, чѣмъ общее правило нравственности. Что это правило смиренія могло и еще можетъ быть перетолковано людьми во вредъ нравственности, объ этомъ

нельзя спорить. Но съ другой стороны не добросовѣстно было бы укорять христіанство въ томъ, что оно подобными правилами подаетъ поводъ къ соблазну, когда рядомъ и выше всѣхъ подобныхъ выраженій стоятъ такого рода требованія, какъ: будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный совершенъ, и вы будете сынами Вышняго. Такого рода противорѣчія въ Евангеліи были бы непримиримы, если бы въ немъ не отличать его исторической стороны отъ міроваго значенія главнаго содержанія.

Слѣдовать ли намъ далѣе за нашимъ авторомъ и въ разсужденіи его на счетъ прославленія Христомъ цѣломудрія? Въ этой статьѣ онъ уже проговорился въ своемъ невѣріи, сказавъ, что нѣтъ надобности налагать на человѣка всевозможныя лишенія, такъ какъ его и безъ того неизбѣжно ожидаетъ за гробомъ „расплывъ въ природѣ“, т. е. уничтоженіе. Но ради правды и исторической истины поправимъ и въ этомъ отношеніи его ошибки и недоразумѣнія. По его мнѣнію, Евангеліе смотритъ на самую законную потребность человѣческой природы, какъ тѣлесной, такъ и духовной, на соединеніе мужчины съ женщиною, какъ на грѣхъ. Въ доказательство этого онъ указываетъ на XIX главу Евангелія отъ Матѳея, хотя и смягчаетъ почему-то смыслъ 12го стиха, придавая ему аллегорическій смыслъ. Мы попросили бы каждаго, кому попадется въ руки

книжка „Вопросы вѣры и знанія“, прочитать эту главу Евангелія, и сказать потомъ автору этихъ Вопросовъ, позволительно-ли быть такъ недобросовѣстнымъ, (чтобы несказать невѣжественнымъ) чтобы изъ этого одного стиха вывести такое заключеніе, будто по ученію Христову бракъ есть грѣхъ? Не излагается ли здѣсь напротивъ того самое высокое понятіе о бракѣ, какъ самомъ первомъ учрежденіи Божіемъ на землѣ, и не говорится-ли прямо, что мужъ и жена уже не двое, но одна плоть? А въ словахъ о разводѣ развѣ можно просмотрѣть это важное ограниченіе: кто разведется съ женою не за прелюбодѣяніе? Дѣло въ томъ, что и здѣсь, въ этой главѣ Евангелія, излагается не законъ или правило, но передается историческій разговоръ І. Христа съ своими вопрошателями. Къ нему приходятъ обыкновенные его шпіоны, книжники и Фарисеи, можетъ быть уже соблазненные примѣромъ прощенія блудницы и еще болѣе раздраженные предшествовавшею проповѣдію о прощеніи обидъ и согрѣшеній, и злостно спрашиваютъ Его: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою? Отвѣтъ І. Христа въ ст. 4, 5 и 6 состоялъ въ томъ, что если бы браки совершались правильнымъ путемъ, путемъ любви и добровольнаго согласія, на которыхъ однихъ и почиваетъ Божіе благословеніе, то не моглобы быть и рѣчи о разводѣ. Но когда извратился этотъ перво-

бытный законъ, въ слѣдствіе чего явилось даже прелюбодѣяніе, то не стало другаго исхода для разрѣшенія этого запутаннаго узла, какъ разводъ, тѣмъ болѣе, что прелюбодѣяніе есть уже фактически разторженіе самой сущности брака, какъ союза двухъ человѣкъ въ одну плоть. Это высокое понятіе о бракѣ такъ мало было вмѣстимо въ понятіяхъ самыхъ учениковъ Его, что имъ показалось лучшимъ вовсе не жениться. И чтожъ? Воспользовался-ли І. Христосъ этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы прославить дѣвство и цѣломудріе превыше брачной жизни? Нѣтъ. Какъ мудрый Наставникъ, который не могъ сказать при этомъ: „нѣтъ, вы всѣ должны жениться,“ Онъ отвѣчалъ, какъ бы не хотя: конечно есть скопцы и отъ природы, которые не могутъ жениться, есть и добровольные, которые не хотѣли жениться, но не всякому это возможно. Кто можетъ, пусть попробуетъ! И какъ бы въ лучшее доказательство того, какое благоволеніе Онъ имѣлъ къ законному супружеству, Онъ въ слѣдъ за этимъ благословляетъ дѣтей, возлагая на нихъ свои руки. Поэтому-то совершенно ложно и недобросовѣстно говорить, будто христіанская церковь признала бракъ таинствомъ въ явное противорѣчіе коренному ученію Христову. Все то, что говорится на счетъ подвижниковъ Малой Азіи и Египта, которые отдавали себя часто на изступленныя мученія, зарывая себя въ землю, въ

борьбѣ противъ природы, есть только подтвержденіе той мысли, что не только люди вопросовъ вѣры и знанія, но и самые подвижники аскетической жизни не вполнѣ поняли настоящій духъ христіанской вѣры. Дѣйствительно церковь — не въ смыслѣ общества вѣрующихъ, но въ извращенномъ смыслѣ преобладанія клира надъ мірянами, во многомъ спутала простую христіанскую жизнь своими черезъ чуръ усердными регламентаціями, и произвела то, на что такъ справедливо жалуется нашъ авторъ въ разсужденіи разводовъ. Мы совершенно согласны съ нимъ въ томъ, что благословеніе Божіе на бракъ не тоже самое, что благословеніе брака церковнымъ обрядомъ. Но въ этомъ случаѣ не падаетъ ли большая часть вины на самихъ людей, вступающихъ въ бракъ легкомысленно или по разчету? Что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ — имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который придаютъ ему наши церковники. Любовь — вотъ благословеніе Божіе и фактическое сочетаніе двухъ существъ въ одно! И когда эта связь существуетъ, то да не смѣетъ прикоснуться къ ней человѣкъ съ своимъ соблазномъ, ни даже власть съ своимъ закономъ. Богу повиноваться надо больше, чѣмъ людямъ; а любовь, какъ чувство, вложенное въ сердце человѣка Богомъ, есть Его священный законъ природы!

Наконецъ переходимъ къ статьѣ нашего автора

о безсмертіи души. Какъ жалокъ (т. е. въ смыслѣ искренняго состраданія) тотъ человѣкъ, который самъ сознается, что безсмертіе есть великій принципъ нравственности, и все-таки не хочетъ или не можетъ быть увѣреннымъ въ такой капитальной истинѣ. Однако посмотримъ, что смущаетъ сознаніе такого человѣка на счетъ безсмертія души. Прежде всего ему кажется, что христіанское понятіе о царствіи Божіемъ было перетолковано въ послѣдствіи и обращено въ теорію вѣчныхъ наградъ въ Раю или вѣчныхъ мукъ въ аду. Мы согласны, что въ такомъ взглядѣ на безсмертіе есть значительная часть темныхъ понятій. Представлять себѣ, будто безсмертіе только для того и нужно, чтобы награждать или карать за земную жизнь, — было-бы крайне нелѣпо. Если безсмертіе не есть самая сущность природы нашего духа, то отнесите его, пожалуй, къ числу поэтическихъ фантазій. Но главное дѣло въ томъ, что безъ безсмертія нельзя объяснить себѣ ни одного нравственнаго явленія въ жизни. При сколько-нибудь зрѣломъ обдумываніи этихъ явленій невольно приходишь къ тому убѣжденію, что если въ человѣкѣ есть сознаніе своего Я, то оно должно быть неизмѣнно, вѣчно. Иначе самое существованіе наше во времени есть только одинъ обманъ чувствъ, какая-то фантасмагорія. При сличеніи явленій жизни окружающей насъ природы съ нашею жизнію, разумъ нашъ приходитъ невольно

къ такому заключенію, что внутренняя жизнь человѣка не подходитъ ни подъ одинъ законъ міро-строительства, и что всѣ наблюденія надъ природою съ одной стороны, и надъ собою съ другой, приводятъ къ убѣжденію, что человѣкъ есть малый міръ въ себѣ самомъ, не похожій ни на что его окружающее. Если я сознаю себя какъ Я, какъ существо объособленное, одаренное свободою мысли и дѣйствованія, ограничиваемаго одними только внѣшними препятствіями, но безграничнаго во внутреннемъ напряженіи, то я не могу уступить бытія моего никому, даже самому создателю моего бытія, потому что, разъ мнѣ данное, оно — мое; иначе я былъ-бы игрушкою случая, или заведенною машиною, которая при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могла бы испортиться. Такого бытія я не взялъ бы изъ рукъ Творца, да и Творецъ слишкомъ мудръ для того, чтобы заниматься такими безцѣльными игрушками, какъ бытіе на время съ расплывкою его подъ конецъ въ какую то общую массу. Не довольно глубокіе мыслители думаютъ увернуться отъ этой задачи тѣмъ предположеніемъ, будто есть одна міровая душа, которая, кристаллизуясь въ разныхъ сознаніяхъ, даетъ временно мѣсто частнымъ личностямъ, но что за тѣмъ эти личности снова уничтожаются, сливаясь въ одну нравственную душу всего человѣчества, которой нельзя отказать въ безсмертіи. Эта фантазія,

какъ и другія поэтическія фантазіи, имѣетъ въ основаніи своемъ истину, но не довольно додуманную, и потому темную. Міровая душа или нравственная душа человѣчества — это Духъ Божій. Кристаллизованіе этой души — это твореніе существъ разумныхъ. Человѣкъ сотворенъ изъ тѣла, части матеріальной, и души, части эѳирной, но при этомъ въ него вдохнутъ былъ духъ, — это, если такъ выразиться, частица божества. Сліяніе этого божественнаго начала съ душею выражается въ сознаніи. Разъ принятое въ это сознаніе не можетъ быть нарушено иначе, какъ путемъ насильственнаго отнятія этого начала силою самаго Дателя. Стало быть, вопросъ только въ томъ, захочетъ ли или нѣтъ Виновникъ этого совокупленія въ одно сознаніе двухъ началъ разорвать этотъ составъ, а вовсе не въ томъ, можетъ ли разумъ придумать неопровержимыя доказательства безсмертія души. При этомъ однако оговоримся, что безсмертія души, какъ жизненнаго начала, и мы не утверждаемъ. Мы говоримъ, что духъ безсмертенъ, и что онъ только, соприкасаясь съ душею, даетъ безсмертіе всему человѣку, даже не исключая его и тѣла, на воскресеніе котораго мы такъ справедливо надѣемся, такъ какъ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, какъ только душа его разлучается съ тѣломъ, и мы уже говоримъ и молимся тогда только о душѣ его, а не объ человѣкѣ, съ нами жившемъ

и нами любимомъ. Авторъ нашъ, въ заключеніе статьи своей, самъ задаетъ себѣ вопросы на случай невѣроятности безсмертія души, и самъ сознается, какъ трудно отвѣчать на нихъ. И при всемъ этомъ ему кажется невозможнымъ оставаться при прежней вѣрѣ въ загробное возмездіе. Чтобы успокоить его и его единомышленниковъ, мы посовѣтовали бы и ему и имъ дѣйствительно не оставаться при прежней вѣрѣ въ рай и адъ, какъ приманкѣ или страшилищѣ нравственной науки, а лучше вѣрить въ то, что І. Христосъ за тѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы принести намъ болѣе ясныя понятія о нашей жизни, нашихъ отношеніяхъ къ Богу и нашемъ назначеніи. Все это очень просто. Мы созданы для блаженства; блаженство наше въ Богѣ, какъ источникѣ вѣчнаго блага; а чтобы блаженствовать въ Богѣ, для этого нужна вѣчность. А если не такъ, то будемъ ѣсть и спать, какъ говоритъ Апостолъ, потому что завтра умремъ. На такое существованіе не согласится ни одинъ изъ самыхъ нисшихъ нравственныхъ людей, если только сознаніе его не заглушено грубыми чувственными наслажденіями или одуряющими напитками.

VI.

Начало нравственнаго добра.

Нравственные принципы, выработанные вѣками опыта, ничто иное, какъ приведеніе въ извѣстность суммы долгихъ и длинныхъ счетовъ. Какъ въ бухгалтеріи нельзя сказать, чтобы искусство подводить итоги измѣнило самый ходъ цифры расходовъ и приходовъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ постановка извѣстныхъ принциповъ вовсе не означаетъ выработки новыхъ, небывалыхъ началъ жизни. Не грамматика учитъ правиламъ языка, а на оборотъ, живой языкъ даетъ сознанію случай привести въ систему существующіе въ природѣ самаго языка законы. Если по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи совершенствуются, утончаются и нравственныя понятія, то это только оптическій обманъ, такъ какъ самая цивилизація и есть произведеніе совершенствующейся нравственности. Возьмите какой угодно продуктъ цивилизаціи, желѣзную ли дорогу или государственную конституцію, вы непремѣнно отъищете предшествующую мысль или сознаніе, которыя при-

вели эти явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что первоисточникъ этой нравственной силы находится въ Богѣ, какъ началѣ всякаго добра. Но присущность этой силы и неизбѣжное проявленіе ея въ жизни человѣка не одно только механическое отраженіе свѣта отъ извѣстнаго предмета, но сознанная и принятая въ жизнь самодѣятельность, хотя и не абсолютная.

Трудный вопросъ отношенія духа къ матеріи еще ждетъ своего разрѣшенія отъ успѣха естественныхъ наукъ. Мы еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы опредѣлить сущность вещества или отдѣлить его отъ силы, въ немъ и посредствомъ его дѣйствующей. Что такое свѣтъ, теплота, электричество? Явленія-ли только, или самостоятельныя силы, или наконецъ еще неуловимые нашими инструментами флюиды? Отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ въ будущемъ правильная постановка вопроса и объ отношеніи духа къ матеріи. Въ настоящее же время, при скудности данныхъ для разрѣшенія вопроса, намъ слѣдуетъ избѣгать смѣшенія понятій о духѣ и душѣ. Послѣдняя есть начало животное, и мы еще хорошенько не знаемъ, останавливается-ли область дѣйствія ея на субъектахъ произвольнаго движенія, или она простирается и на растительность и даже на неорганическую жизнь. Другое дѣло духъ, какъ начало разумное и свободное, которое можетъ входить въ соприкосновеніе

только со внѣшнею формою жизненнаго начала души. Здѣсь можно положительно сказать, что духъ и вещество два несоразмѣримыя начала, которыя иначе и не могутъ входить въ соприкосновеніе между собою, какъ чрезъ посредство души. Что́ было продуктомъ другаго, матерія или душа, этотъ вопросъ не разрѣшимъ уже потому, что мы не присутствовали при міросданіи. Чтоже касается до одухотворенія человѣка, то еслибы мы и не имѣли указанія на это въ бытописаніи Моисея, мы не могли бы придумать себѣ другаго предположенія для объясненія нравственной природы человѣка. По этому сказанію сперва является организмъ, потомъ онъ одушевляется и наконецъ одухотворяется. Послѣднее преимущество вдругъ поставило человѣка выше всѣхъ соименныхъ ему животныхъ. Этимъ началомъ онъ сталъ прикасаться Богу, и можетъ, если можно такъ выразиться, всасывать въ себя этотъ элементъ до безконечныхъ размѣровъ, или же угашать въ себѣ эту искру до подобія скотамъ безсмысленнымъ. Въ этомъ и лежитъ смыслъ такого на пр. увѣщанія Апостола: „духа не угашайте“, „возгрѣвайте въ себѣ духъ.“ На этомъ же основаніи взглянулъ Богъ на допотопныхъ людей, которые сдѣлались плотію, и рѣшилъ отнять у нихъ совсѣмъ духъ свой, предавъ ихъ погибели въ волнахъ потопа. Отнимите и теперь духъ у человѣка, и онъ останется разумнымъ

животнымъ, вѣроятно, выше обезьяны и собаки, но не способнымъ къ высокой нравственной дѣятельности.

Одаренный отъ Бога этимъ образомъ Божества, человѣкъ внутри своей природы носитъ извѣстный критеріумъ нравственнаго добра. Мы не можемъ дать себѣ отчета, почему на пр. намъ представляется изящная красота именно въ такихъ, а не другихъ формахъ; но то вѣрно, что ни одинъ человѣкъ не назоветъ зломъ того, что другому кажется добромъ. Правда, совѣсть людская бываетъ часто очень различна, но никогда въ смыслѣ противоположномъ. Если хотите, разбойникъ благодаритъ Бога и за удавшійся грабежъ или убійство; но въ этомъ фактѣ замѣчательнѣе то, что онъ чувствуетъ внутри себя потребность признательности за увеличеніе своего благосостоянія, хотя и превратно понятаго. Это вводитъ многихъ въ соблазнъ, заставляя смотрѣть на совѣсть, какъ на результатъ воспитанія или образованія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ впечатлѣній, тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Конечно совѣсть, эта нравственная логика души, можетъ развиваться такъ или иначе, или же и вовсе не развиваться, оставаясь глухою и какъ-бы совсѣмъ отсутствующею. Но тѣмъ не менѣе совѣсть есть принадлежность человѣческой природы. Попробуйте развить эту способность въ какомъ угодно разумномъ животномъ,

и конечно вы не достигнете искомаго результата. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа, нѣтъ и этой струны. Чувство добра, равно какъ и сознаніе истины или идеалъ красоты, присущи природѣ нашего духа прежде, чѣмъ они облекаются въ логическія понятія работою разума. Поэтому вовсе не удивительно, что въ дѣтяхъ развивается совѣсть вмѣстѣ съ ихъ разумомъ. Это только доказываетъ, что безъотчетное сознаніе въ душѣ нашей предшествуетъ болѣе ясному опредѣленію онаго. Говорятъ, что еслибы совѣсть была прирожденнымъ свойствомъ всѣхъ и каждаго, тогда бы давно воцарился міръ на землѣ, Но это тоже самое, какъ еслибы сказать, что одна логика могла бы избавить міръ отъ заблужденій. По несчастію человѣкъ не умѣетъ привести въ такое равновѣсіе всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, чтобы въ этой гармоніи находить собственное свое счастіе и блаженство. Но изъ того, что люди заблуждаются, никто не станетъ отвергать логики ума; также точно было бы крайне не разумно отвергать существованіе совѣсти въ человѣкѣ потому только, что на дѣлѣ встрѣчаешься чаще всего съ безсовѣстностію или по крайней мѣрѣ криводушіемъ.

Въ своей животной жизни человѣкъ счастливѣе тѣмъ, что тамъ управляютъ его жизнію непреодолимые и большею частію безсознательные инстинкты. Но и здѣсь у человѣка не отнята возможность обра-

зумливать и давать то или другое направленіе своей природѣ. Онъ даже силенъ стать выше своихъ инстинктовъ и иногда идти вопреки самыхъ сильнѣйшихъ изъ нихъ. Развѣ человѣкъ не моритъ себя добровольно голодомъ? развѣ не мучитъ онъ себя, подавляя въ себѣ естественныя потребности? Развѣ наконецъ не онъ одинъ изъ всѣхъ животныхъ способенъ на самоубійство? Это доказываетъ, что сила духа, живущаго въ человѣкѣ, сильнѣе самыхъ сильныхъ и почти непреодолимыхъ побужденій его животной природы. Изъ этого конечно еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ былъ всегда правъ, насилуя свою природу. Но это даетъ намъ мѣру сужденія о нравственной цѣли бытія человѣка, передъ которою всѣ прочія отправленія его жизни суть только средства, не имѣющія значенія внѣ этой цѣли.

Въ области чувства человѣкъ руководится вкусомъ, такъ точно, какъ въ области знанія логикою. Но что такое вкусъ, и что такое логика, какъ не присущіе нашему духу законы его бытія? Странно было бы думать, что и вкусъ и законы мышленія добываются человѣкомъ путемъ опыта или усидчивою работою. Это было бы все равно, какъ сказать, что человѣкъ послѣ долгихъ попытокъ выучился наконецъ ходить на двухъ ногахъ или дѣйствовать руками. Навѣрно онъ никогда не достигъ бы этого, еслибы напередъ не былъ устроенъ такимъ образомъ

организмъ его тѣла. Что человѣкъ ошибается, не смотря на прирожденную ему логику мысли, это зависитъ отъ свойственнаго ему также отъ природы свободнаго выбора путей изъисканія. Отъ чего человѣкъ вырабатываетъ себѣ такія или другія міросозерцанія? Отъ того, что умъ его по природѣ не всеобъемлющъ, и потому онъ устремляетъ взоры свои то въ одну сторону, то въ другую, оставляя одну изъ нихъ незамѣченною. И вотъ выходитъ односторонность взгляда, въ большей части вводящая въ заблужденіе. Вѣками исправляются эти ошибки. На мѣсто одного являются другіе новые взгляды. Но истина, одна положительная, не дается въ руки человѣку, пока онъ не получитъ ее изъ рукъ обладателя оною путемъ откровенія. Нашъ авторъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, слишкомъ поспѣшно произноситъ свой судъ надъ откровеніемъ, говоря, что „непосредственныя откровенія невозможны, и что всѣ откровенія заключаются въ насъ самихъ.“ Чтобы понять его въ этомъ мѣстѣ, мы предполагаемъ, что подъ именемъ откровенія онъ представляетъ себѣ не что другое, какъ писанную книгу, въ которой преподносятся человѣку разныя готовыя истины съ неба. Но мы можемъ увѣрить его, что единственное на землѣ истинное откровеніе въ лицѣ І. Христа было не болѣе, какъ просвѣтленіе человѣческаго сознанія съ одной стороны, и возстановленіе человѣка въ

его первобытное, естественное состояніе съ другой. Въ этомъ смыслѣ откровеніе и не можетъ быть понято иначе, какъ открытіемъ насъ самихъ для нашего же собственнаго сознанія. Чего хотѣлось Богу, когда явился на землѣ Сынъ Божій, Его воплощенное откровеніе? Развѣ новой подати со стороны человѣка, въ видѣ подчиненія его разума деспотизму небесному? Конечно въ этомъ не нуждался Богъ. Но, видя ограниченность человѣческаго разума, его борьбу и труды въ исканіи истины путемъ одного только логическаго синтеза, его отчаянныя усилія опредѣлить, что такое добро, Богъ наконецъ посылаетъ Сына своего сказать людямъ, что добро — это Богъ, что искать его надо въ Немъ, что для этого нужно помириться съ Богомъ, а не чуждаться Его, и что вотъ онъ приглашаетъ всѣхъ людей быть Его дѣтьми, усыновленными въ лицѣ Спасителя, и въ любви Его найти и счастіе временное и блаженство вѣчное. Вотъ и все откровеніе! Оно и просто и доступно природѣ человѣка. Послѣ этого и рядомъ съ этимъ что такое эта „вѣковая умственная работа Европейскихъ народовъ,“ которые положили столько времени и труда, чтобы опредѣлить хотя отчасти законы человѣческаго духа и внѣшней природы? Это не болѣе, какъ игра дѣтей въ родительскомъ домѣ, гдѣ за нихъ и для нихъ все придумано, приготовлено и напередъ устроено — отеческою любовію.

Европейскіе народы не должны никогда забыть, что ихъ зрѣлость получила свои корни въ христіанствѣ, и если теперь лучшіе представители этого европеизма думаютъ на свой счетъ принимать успѣхи науки и нравственности, то они совершенно напоминаютъ собою неблагодарныхъ обладателей унаслѣдованнаго отъ родителей богатства, которые не хотятъ даже помянуть добромъ виновниковъ ихъ благосостоянія.

Но автору Вопросовъ представляются рѣшительно невозможными при настоящемъ состояніи науки „гордое вѣрованіе въ непосредственныя отношенія человѣка къ Богу и поэтическая фикція о безсмертіи души.“ Вѣроятно нашъ авторъ имѣетъ у себя особую науку, которая прямо опровергаетъ и это гордое вѣрованіе и эту поэтическую фикцію. Мы по крайней мѣрѣ не знаемъ ни одной такой науки, которая спеціально занималась бы опроверженіемъ этихъ истинъ. Что же до наукъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ, то ни одна изъ нихъ и не касается такихъ высокихъ предметовъ. Одна философія могла бы взять на себя трудъ разрѣшить эти задачи. Но и здѣсь мы не встрѣчаемъ ни одной системы, которая положительно опровергала бы безсмертіе души. Если физіологи увлекаются явленіями внѣшней природы до того, что совсѣмъ забываютъ при этомъ цѣлый міръ духовныхъ явленій, то это

одна только варіація на тѣ одностороннія міросозерцанія, о которыхъ мы говорили выше. Что же касается до естественныхъ наукъ, то онѣ должны слишкомъ зазнаться, чтобы произнести послѣднее рѣшительное слово не только на счетъ законовъ, но даже и явленій природы. Мы, какъ дѣти, гордимся тѣмъ, что знаемъ физику или астрономію лучше нашихъ бабушекъ, которыя еще вѣрили въ обращеніе солнца вокругъ земли. Но мы еще не знаемъ, что скажутъ объ нашемъ невѣжествѣ наши правнуки. Наука, если она хочетъ быть серьезною, должна быть прежде всего скромна, и никогда не забывать мудраго изрѣченія Сократа. Да и не наука виновата въ томъ, что ея адепты воображаютъ себя всевѣдущими и чистосердечно удивляются „тысячелѣтнему невѣжественному самообольщенію, въ слѣдствіе котораго человѣкъ могъ воображать, что его ничтожество можетъ быть въ прямомъ сношеніи съ Высочайшимъ Существомъ, что это Существо заботится о каждой человѣческой личности отдѣльно, что оно отдѣльно будетъ награждать каждаго за добродѣтель и наказывать за пороки и для опредѣленія его достоинства будетъ призывать къ суду точно на экзаменъ.“ Вотъ какія дѣтскія мысли рождаются иногда въ головѣ глубокаго мыслителя, когда онъ не даетъ себѣ труда серьезнѣе подумать о такихъ вещахъ, которыя имѣютъ за себя тысячелѣтнюю давность и вѣрованіе

милліоновъ лучшихъ людей! Намъ совѣстно подъ конецъ вступать въ такія разъясненія нашему антагонисту, которыя даются обыкновенно еще въ школахъ. Но ради истины и просвѣщенія сознанія лучшихъ мыслителей мы остановимся на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, тысячелѣтнее вѣрованіе въ которые представляется нашему автору „непостижимымъ."

1) „Какъ могъ человѣкъ вообразить себѣ, что его ничтожество можетъ быть въ прямомъ сношеніи съ Богомъ?" Очевидно, здѣсь вся сила недоумѣнія лежитъ въ понятіи о человѣкѣ, какъ какой-то ничтожной твари. Спрашивается, почему и за что заслужилъ человѣкъ такое оскорбительное о себѣ мнѣніе? Всѣ и всегда говорили о немъ, что онъ — вѣнецъ творенія, что онъ самъ въ себѣ малый міръ, что онъ — владыка земли и представитель Божества среди окружающаго его творенія. Но вотъ современные матеріалисты, какъ пѣтухи Крылова, разрывающіе только навозныя кучи, нашли въ человѣкѣ, что онъ такая же грязь, какъ и все на землѣ, такая же гадина, какъ и лягушка, и этого довольно было иному мыслителю, чтобы назвать человѣка „ничтожествомъ." Мы не говоримъ уже о томъ, что со стороны матеріалистовъ было бы гораздо умнѣе самый навозъ не считать ничтожествомъ и въ самой лягушкѣ удивляться мудрости Творца, или на ихъ языкѣ, Природы. Но мы призываемъ на судъ

одна только варіація на тѣ односторонніе міросозерцанія, о которыхъ мы говорили выше. Что же касается до естественныхъ наукъ, то онѣ должны слишкомъ зазнаться, чтобы произнести послѣднее рѣшительное слово не только на счетъ законовъ, но даже и явленій природы. Мы, какъ дѣти, гордимся тѣмъ, что знаемъ физику или астрономію лучше нашихъ бабушекъ, которыя еще вѣрили въ обращеніе солнца вокругъ земли. Но мы еще не знаемъ, что скажутъ объ нашемъ невѣжествѣ наши правнуки. Наука, если она хочетъ быть серьезною, должна быть прежде всего скромна, и никогда не забывать мудраго изрѣченія Сократа. Да и не наука виновата въ томъ, что ея адепты воображаютъ себя всевѣдущими и чистосердечно удивляются „тысячелѣтнему невѣжественному самообольщенію, въ слѣдствіе котораго человѣкъ могъ воображать, что его ничтожество можетъ быть въ прямомъ сношеніи съ Высочайшимъ Существомъ, что это Существо заботится о каждой человѣческой личности отдѣльно, что оно отдѣльно будетъ награждать каждаго за добродѣтель и наказывать за пороки и для опредѣленія его достоинства будетъ призывать къ суду точно на экзаменъ.“ Вотъ какія дѣтскія мысли рождаются иногда въ головѣ глубокаго мыслителя, когда онъ не даетъ себѣ труда серьезнѣе подумать о такихъ вещахъ, которыя имѣютъ за себя тысячелѣтнюю давность и вѣрованіе

милліоновъ лучшихъ людей! Намъ совѣстно подъ конецъ вступать въ такія разъясненія нашему антагонисту, которыя даются обыкновенно еще въ школахъ. Но ради истины и просвѣщенія сознанія лучшихъ мыслителей мы остановимся на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, тысячелѣтнее вѣрованіе въ которые представляется нашему автору „непостижимымъ."

1) „Какъ могъ человѣкъ вообразить себѣ, что его ничтожество можетъ быть въ прямомъ сношеніи съ Богомъ?" Очевидно, здѣсь вся сила недоумѣнія лежитъ въ понятіи о человѣкѣ, какъ какой-то ничтожной твари. Спрашивается, почему и за что заслужилъ человѣкъ такое оскорбительное о себѣ мнѣніе? Всѣ и всегда говорили о немъ, что онъ — вѣнецъ творенія, что онъ самъ въ себѣ малый міръ, что онъ — владыка земли и представитель Божества среди окружающаго его творенія. Но вотъ современные матеріалисты, какъ пѣтухи Крылова, разрывающіе только навозныя кучи, нашли въ человѣкѣ, что онъ такая же грязь, какъ и все на землѣ, такая же гадина, какъ и лягушка, и этого довольно было иному мыслителю, чтобы назвать человѣка „ничтожествомъ." Мы не говоримъ уже о томъ, что со стороны матеріалистовъ было бы гораздо умнѣе самый навозъ не считать ничтожествомъ и въ самой лягушкѣ удивляться мудрости Творца, или на ихъ языкѣ, Природы. Но мы призываемъ на судъ

всѣхъ философовъ, всѣхъ глубокихъ мыслителей, всѣхъ честныхъ людей, чтобы разсудить вопросъ такой огромной важности, ничтожество ли человѣкъ какъ самъ по себѣ, такъ и по отношенію къ Богу, какъ Высочайшему Существу, — и мы напередъ увѣрены, что всѣ они, можетъ быть и разногласно, скажутъ одно и тоже, что такое существо, которое обладаетъ разумомъ, уподобляющемъ его Богу, не ничтожно; что существо, обладающее свободою, которая составляетъ въ немъ образъ Божій, и въ силу которой онъ можетъ отвѣчать своимъ „нѣтъ“ даже самому Богу, не ничтожество даже передъ Божествомъ. Напротивъ, если Самъ Богъ удѣлилъ ему часть своего бытія, даровавъ ему свободу неограниченную и только разумъ, подобный разуму божественному, и потому всегда нуждающійся въ просвѣтленіи свыше, т. е. въ откровеніи, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такое существо необходимо должно находиться въ постоянномъ сношеніи съ Высочайшимъ Существомъ. Отнимите хоть на время эту мысль объ отношеніи человѣка къ Богу, и вдругъ налетаетъ мракъ на все его нравственное существованіе. Если же фактъ его нравственности отвергнуть не возможно, то скорѣе заключайте, что человѣкъ самъ себѣ Богъ, чѣмъ повергайте его въ ничтожество, не имѣющее никакого здраваго смысла.

2) Но какъ „ваше Высочайшее Существо мо-

Очевидно, что каждый отдѣльно долженъ будетъ испытать на себѣ эти послѣдствія собственнаго развитія. Въ чемъ будетъ состоять самый судъ, не трудно себѣ представить, когда мы вообразимъ себѣ моментъ раскрывшагося сознанія и громкій голосъ пробудившейся совѣсти. Кто не испыталъ этого и при жизни, тому не легко растолковать это въ приложеніи къ будущей жизни. Главное какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, касающихся религіи, — надо ставить себя выше младенческихъ взглядовъ и ребяческихъ разсужденій. Не въ томъ сила, что наши предки въ своихъ понятіяхъ объ этихъ предметахъ копировали только человѣческіе порядки, соотвѣтственно младенческому состоянію разума и тогдашней науки. Мы и теперь также точно не можемъ отрѣшаться въ отвлеченныхъ представленіяхъ отъ образовъ, насъ окружающихъ. Самый языкъ нашъ недостаточенъ для того, чтобы выражать духовныя истины иначе, чѣмъ матеріальнымъ образомъ. Главное — надо имѣть серьезный взглядъ на самое дѣло и не отдѣлываться отъ факта тысячелѣтнихъ убѣжденій однимъ только хвастливымъ величаніемъ, что мы стали умнѣе нашихъ предковъ. Обширность знанія еще не ручательство за истину. Часто одинъ пробѣлъ въ програмѣ знанія портитъ весь экзаменъ.

можнымъ. Но въ Богѣ, какъ Существѣ безпредѣльномъ и необъятномъ, все укладывается въ одну безпредѣльную мѣру Его любви, Его вѣдѣнія и Его могущества. Поэтому на просвѣщенный глазъ самое буквальное значеніе получаютъ даже такія слова І. Христа: „и волосъ съ головы вашей не падаетъ безъ воли Божіей.“ Если же это такъ, то каждая отдѣльная личность вполнѣ достойна и вниманія и заботы такого Высочайшаго Существа, какъ Богъ.

3. Наконецъ неужели „Онъ, это Высочайшее Существо, въ самомъ дѣлѣ будетъ награждать каждаго за добродѣтель и наказывать за пороки, и для опредѣленія его достоинства будетъ призывать къ суду, точно на экзаменъ?“ Здѣсь трудно понять, что кажется болѣе „непостижимымъ,“ то-ли, что будутъ награды и наказанія, или то, что награждать и наказывать будутъ каждаго, или наконецъ этотъ судъ, такъ страшно напоминающій автору „экзаменъ.“ Что касается до наградъ и наказаній, то конечно въ этомъ много человѣческихъ представленій. Бога, какъ Существо Высочайшее, нельзя представить себѣ Судьею съ цѣпью на груди, равно какъ и судъ его — въ видѣ судебной камеры. И награды, и наказанія въ будущей жизни ничто иное, какъ естественныя послѣдствія такого или другаго развитія нравственной жизни. Приближеніе къ Богу или удаленіе отъ него будутъ составлять мѣру этихъ наградъ и наказаній.

Очевидно, что каждый отдѣльно долженъ будетъ испытать на себѣ эти послѣдствія собственнаго развитія. Въ чемъ будетъ состоять самый судъ, не трудно себѣ представить, когда мы вообразимъ себѣ моментъ раскрывшагося сознанія и громкій голосъ пробудившейся совѣсти. Кто не испыталъ этого и при жизни, тому не легко растолковать это въ приложеніи къ будущей жизни. Главное какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, касающихся религіи, — надо ставить себя выше младенческихъ взглядовъ и ребяческихъ разсужденій. Не въ томъ сила, что наши предки въ своихъ понятіяхъ объ этихъ предметахъ копировали только человѣческіе порядки, соотвѣтственно младенческому состоянію разума и тогдашней науки. Мы и теперь также точно не можемъ отрѣшаться въ отвлеченныхъ представленіяхъ отъ образовъ, насъ окружающихъ. Самый языкъ нашъ недостаточенъ для того, чтобы выражать духовныя истины иначе, чѣмъ матеріальнымъ образомъ. Главное — надо имѣть серьезный взглядъ на самое дѣло и не отдѣлываться отъ факта тысячелѣтнихъ убѣжденій однимъ только хвастливымъ величаніемъ, что мы стали умнѣе нашихъ предковъ. Обширность знанія еще не ручательство за истину. Часто одинъ пробѣлъ въ програмѣ знанія портитъ весь экзаменъ.

VII.

Какъ должно понимать Божескія премудрость, правосудіе и благость.

Напрасно мы стали бы искать въ разсматриваемой нами брошюрѣ разъясненія поставленнаго въ началѣ этой статьи вопроса. Для нашего автора это —вопросы неразрѣшимые, и все объясненіе ихъ сводится на вѣроятно и можетъ быть. Кто такъ разсуждаетъ на нѣсколькихъ страницахъ о предметѣ такой важности, тотъ благоразумнѣе сдѣлалъ бы, совсѣмъ не задаваясь подобными вопросами. Авторъ нашъ съ самаго начала этой статьи поставилъ такую аксіому: „мы должны вѣрить въ проявленіе въ мірѣ Правосудія Божія," и тѣмъ какъ будто порѣшилъ весь вопросъ. Единственнымъ побужденіемъ этой необходимости, этого долга — вѣрить, служитъ то убѣжденіе, что „верховною силою всего есть нравственное добро." Угодно-ли понять это сопоставленіе одной аксіомы съ такого рода убѣжденіемъ! Что

погибшіе отъ землетрясенія въ Лиссабонѣ (въ такомъ-то году) или отъ изверженія Везувія и проч., то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они были преступнѣе другихъ своихъ современниковъ и пр.“ — „Очевидно, продолжаетъ фраза, такое ребяческое объясненіе придумано только за невозможностію дать болѣе удовлетворительное истолкованіе непонятному для насъ явленію.“ Здѣсь замѣчательнѣе всего логическая послѣдовательность періода. „Если мы не можемъ объяснить себѣ, чѣмъ заслужили люди себѣ погибель, то изъ этого не слѣдуетъ, что они были преступнѣе другихъ.“ Какой логическій смыслъ въ подобномъ умозаключеніи! „Если я не могу объяснить себѣ, почему палка стоитъ въ углу, то изъ этого не слѣдуетъ, что на дворѣ идетъ дождь.“ Не похоже ли на это приведенное нами умозаключеніе автора? Но ему хотѣлось опять поглумиться надъ простотою людскою; почему онъ и называетъ подобнаго рода объясненія „ребяческими,“ которыя „не могутъ удовлетворить сколько-нибудь зрѣлаго ума современнаго человѣка.“ Этотъ „зрѣлый умъ“ да притомъ еще „современнаго человѣка“ объясняетъ себѣ все это гораздо разумнѣе. Для этого у него есть готовая на все фраза: „вѣроятно,“ да „надо полагать.“ Послѣ этого уже ничего не остается ни непонятнаго, ни необъяснимаго. Но, затронувши такіе случаи, какъ гибель людей, авторъ, самъ невѣдая того, напросился

однако это не можетъ заставить насъ вѣрить, что это происходитъ отъ дѣйствія невидимыхъ духовъ. Спрашивается, кому придетъ въ голову во первыхъ заставлять вѣрить, а во вторыхъ вѣрить еще въ дѣйствіе при этомъ невидимыхъ духовъ? Впрочемъ, говоря серьезно, духовъ другихъ и не можетъ быть, какъ только невидимые. Притомъ-же, что надо разумѣть подъ этими духами? Не тѣхъ-же духовъ, которыми пугаютъ въ сказкахъ дѣтей подъ именемъ домовыхъ, лѣсныхъ или водяныхъ? Вѣроятно нашъ авторъ хотѣлъ сказать что-нибудь посерьезнѣе. А если такъ, то мы спросимъ его самого, не считаетъ-ли онъ невидимыми, если не духами, то силами тяжесть, теплоту, электричество, и тому подобные двигатели вселенной? И потому не думаетъ-ли онъ самъ, даже еслибы и не заставляли его вѣрить тому, что многія изъ непонятныхъ явленій природы происходятъ отъ дѣйствія этихъ невидимыхъ духовъ т. е. силъ? Говоря серьезно, не позволительно бросать только пыль въ глаза, замѣняя одно слово другимъ, неподходящимъ къ дѣлу. Выставляя себя умникомъ, не слѣдуетъ обижать другихъ, предполагая ихъ дурачками. Поэтому „дѣйствія невидимыхъ духовъ“ въ разбираемой нами фразѣ скорѣе непростительная шутка, чѣмъ серьезное отношеніе къ дѣлу.

„Также, говоритъ другая фраза, если мы не можемъ объяснить себѣ, чѣмъ заслужили гибель люди,

погибшіе отъ землетрясенія въ Лиссабонѣ (въ такомъ-то году) или отъ изверженія Везувія и проч., то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они были преступнѣе другихъ своихъ современниковъ и пр.“ — „Очевидно, продолжаетъ фраза, такое ребяческое объясненіе придумано только за невозможностію дать болѣе удовлетворительное истолкованіе непонятному для насъ явленію.“ Здѣсь замѣчательнѣе всего логическая послѣдовательность періода. „Если мы не можемъ объяснить себѣ, чѣмъ заслужили люди себѣ погибель, то изъ этого не слѣдуетъ, что они были преступнѣе другихъ.“ Какой логическій смыслъ въ подобномъ умозаключеніи! „Если я не могу объяснить себѣ, почему палка стоитъ въ углу, то изъ этого не слѣдуетъ, что на дворѣ идетъ дождь.“ Не похоже ли на это приведенное нами умозаключеніе автора? Но ему хотѣлось опять поглумиться надъ простотою людскою; почему онъ и называетъ подобнаго рода объясненія „ребяческими,“ которыя „не могутъ удовлетворить сколько-нибудь зрѣлаго ума современнаго человѣка.“ Этотъ „зрѣлый умъ“ да притомъ еще „современнаго человѣка“ объясняетъ себѣ все это гораздо разумнѣе. Для этого у него есть готовая на все фраза: „вѣроятно,“ да „надо полагать.“ Послѣ этого уже ничего не остается ни непонятнаго, ни необъяснимаго. Но, затронувши такіе случаи, какъ гибель людей, авторъ, самъ невѣдая того, напросился

на отвѣтъ евангельскій. Разъ нѣкіе же совопросники подошли къ Іисусу съ расказами о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами. ихъ, и что же получили въ отвѣтъ на это? „Думаете-ли вы, сказалъ имъ Іисусъ, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Или думаете, что тѣ 18 человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете.“ (Лук. XIII, 1—5.) Вотъ отвѣтъ, конечно не придуманный только за невозможностію дать болѣе удовлетворительное истолкованіе непонятному для насъ явленію. Дѣло въ томъ, что самые изъ зрѣлыхъ современныхъ умовъ смотрятъ на подобныя гибели людей, какъ на какое-то ужасное несчастіе. И почему? потому-ли, что при этомъ погибъ тотъ или другой человѣкъ, и съ нимъ разстроилось благосостояніе того или другаго семейства, или отъ того, что при этомъ погибло много людей? Вѣроятнѣе всего—послѣднее, и притомъ потому, что это — слишкомъ крупное явленіе, поражающее своею громадностію воображеніе. Вотъ и начинаютъ приступать за объясненіями! Скажи вотъ, почему это такъ? А между тѣмъ смерть каждаго человѣка, мимо которой такъ равнодушно проходитъ самый зрѣлый умъ современнаго человѣка, также необъяснимое и непонятное для насъ явленіе. Зачѣмъ

же послѣ этого бросать такими надутыми фразами въ истину, слишкомъ серьезную для ума и сердца человѣка?

Но вотъ мы встрѣчаемся еще въ разбираемой нами брошюрѣ съ однимъ парадоксомъ, подобнаго которому трудно найти въ цѣломъ мірѣ мыслительныхъ продуктовъ. Какъ бы Вы думали, отъ чего нашъ авторъ хочетъ заставить Васъ вѣрить, что начало нравственнаго добра есть принципъ, на которомъ зиждется вся дѣятельность человѣческаго духа, а слѣд. и вся жизнь человѣка? — Отъ того, отвѣчаетъ онъ, что иначе эта жизнь дѣлается невозможною. Все въ ней разлагается и гибнетъ. Стало быть, это необходимо. Другими словами, это какая-то фатальная неизбѣжность, въ силу которой человѣкъ не можетъ безнаказанно распоряжаться собою, а настоящаго смысла въ ней нѣтъ, или трудно его отыскать. То, что у людей слыветъ совѣстью, есть ничто иное, какъ плодъ воспитанія, формирующійся посредствомъ открытій на полѣ умствованій человѣческаго духа. И такъ эта „верховная сила всего,“ это нравственное добро сводится на простую полицейскую мѣру, сдерживающую буйство и развратъ. Оно потому только и необходимо, что безъ него все пошлобы на разложеніе и погибель. Но какой интересъ имѣетъ это нравственное добро поддерживать этотъ порядокъ въ мірѣ и людяхъ? Если оно само въ себѣ

и внѣ міра и людскихъ отношеній добро, то ему нѣтъ никакой нужды до того, что все внѣ его разложится и погибнетъ. Или можетъ быть это нравственное добро и есть продуктъ человѣческихъ отношеній, какъ бы сумма и результатъ дѣйствій отдѣльныхъ единицъ? Тогда оно не есть, и не можетъ быть „верховною силою всего.“ Чтожъ такое это нравственное добро? Личность это, или отвлеченное понятіе? Если это личность, то оно должно имѣть разумное существованіе. Если-же это отвлеченное понятіе, то въ основаніи его должны лежать факты. Нашъ авторъ говоритъ, что въ отысканіи смысла этого принципа заключается задача человѣческой дѣятельности. Но справедливѣе будетъ сказать, что, не зная смысла этого принципа, человѣкъ не можетъ и рѣшиться ни на какую дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, какую энергію можетъ имѣть моя воля, когда я не знаю цѣли, къ которой стремиться, и не могу рѣшиться на выборъ средствъ къ достиженію этой смутной цѣли? Отвлеченная идея о нравственномъ добрѣ, какъ о чемъ-то чужомъ для меня и безъинтересномъ по своей неопредѣленности, не въ состояніи воодушевить человѣка на подвиги трудовъ и лишеній, а еще менѣе внушить ему вѣру во что-то недостижимое. То чувство, которое, по мнѣнію автора, формируется въ человѣкѣ посредствомъ открытій, дѣлаемыхъ въ области примѣненія идеи о нравствен-

номъ добрѣ къ поступкамъ и дѣйствіямъ, не есть совѣсть, какъ прирожденное намъ сознаніе этого добра, а только практическая опытность, могущая болѣе или менѣе просвѣтлять эту совѣсть. Назвать совѣсть плодомъ воспитанія человѣчества, отдѣльнаго народа, отдѣльнаго человѣка, значитъ низвести самаго человѣка на степень манекена, которому можно придавать какія угодно позы безъ всякаго противорѣчія съ его стороны. Конечно совѣсть можетъ формулироваться, смотря по успѣхамъ внутренняго развитія каждаго человѣка, каждаго народа и даже цѣлаго человѣчества. Но прежде формулированія она должна имѣть свое существованіе, такъ точно, какъ всякая кристаллизація предполагаетъ напередъ кристаллизирующееся вещество. Фраза въ родѣ слѣдующей: „совѣсть никакъ нельзя назвать прирожденнымъ качествомъ“ наказываетъ сама себя отсутствіемъ смысла. Это все равно, какъ еслибы кто сказалъ: вещество нельзя назвать качествомъ какого-нибудь предмета. Конечно нельзя назвать, потому что оно и не есть качество, но самая сущность. Еслибы совѣсть была качество человѣка, подобно кротости или мягкосердечію, тогда она могла бы быть и плодомъ воспитанія. Но въ томъ и дѣло, что совѣсть въ человѣкѣ есть его сущность, его природа, его бытіе. Совѣсть въ нравственной природѣ тоже самое, что сознаніе въ духовной. Если сознаніе опредѣляетъ

личность въ человѣкѣ, то совѣсть даетъ ему значеніе нравственнаго существа. Поэтому все это разглагольствіе о нравственномъ добрѣ теряетъ всякій смыслъ, какъ скоро совѣсть относится въ число качествъ, также точно какъ вся наука оптики потеряла бы свой смыслъ, еслибы зрѣніе было однимъ благопріобрѣтаемымъ качествомъ тѣлеснаго организма.

Но вотъ нашъ авторъ признается, что „начало нравственнаго добра не есть только принципъ, но и сила, на которой зиждется духовная и внѣшняя жизнь человѣка, что она (т. е. эта сила) есть Верховная причина всего сущаго.“ Сказавъ нечаянно такую истину, онъ однако спѣшитъ поправить свою ошибку. „Это предположеніе, говоритъ онъ, (прибавляя: „надо сознаться,“) основывается лишь на томъ прирожденномъ свойствѣ человѣка, въ слѣдствіе котораго онъ во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, чувствовалъ необходимость не только допускать существованіе Верховнаго существа, какъ Творца вселенной, но и поклоняться Ему, искать въ Немъ защиты отъ напастей, утѣшенія въ горѣ, взывать къ Нему о правосудіи“. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь съ одной стороны мнѣніе о существованіи Верховной причины всего, а съ другой — опроверженіе этого мнѣнія предположеніемъ о существованіи какого-то прирожденнаго свойства въ человѣкѣ, заставляющаго его и признавать эту Верховную причину и покло-

няться ей. Какъ объяснить такое явное противорѣчіе въ сознаніи мыслящаго чековѣка? Намъ кажется, что умъ такого мыслителя находится въ борьбѣ съ самимъ собою. Съ одной стороны въ немъ лежатъ здравыя понятія о предметахъ первой важности, а съ другой въ него входятъ сомнѣнія, заставляющія его опасаться на счетъ вѣрности внутреннихъ убѣжденій. Молодой умъ въ подобныхъ случаяхъ боится за самого себя, какъ бы не подпасть ему подъ иго предвзятыхъ убѣжденій, и вотъ онъ начинаетъ пробовать свои силы надъ отрицаніемъ положительнаго знанія, думая найти что-либо новое въ самомъ отрицаніи прежняго положительнаго. Открытый нигилизмъ по крайней мѣрѣ добросовѣстенъ. Отвергая все, онъ не выставляетъ на мѣсто отрицанія ничего положительнаго. Пусть разрушается всё, а тамъ пусть будетъ, что будетъ! — вотъ девизъ его. Но нигилизмъ скрытый, rentré — какъ выражаются о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, не высказывается такъ пошло. Онъ прикрываетъ еще себя умствованіями и размышленіями, конечно легкими — въ родѣ того, какъ: вѣроятно или можетъ быть, или же, какъ выражается нашъ авторъ: „Это — вопросы, неразрѣшимые при настоящемъ состояніи нашего знанія.“ Какіе же однако это вопросы, для разрѣшенія которыхъ настоящее состояніе нашего (т. е. вашего) знанія недостаточно? А вотъ какіе: „Есть-ли

это (т. е. признаніе Верховной причины и поклоненіе Ей) только слѣдствіе слабости, безпомощности человѣка, сознаніе безсилія передъ неотразимымъ дѣйствіемъ внѣшней природы, — или вѣрнѣе чутье, инстинктъ, вложенный свыше, указывающій на источникъ вѣчнаго блага, всей гармоніи вселенной?" — И такъ для разрѣшенія этого-то вопроса нашему автору кажется настоящее состояніе нашего знанія недостаточнымъ. Какое же еще нужно знаніе, чтобы рѣшить необходимость Верховной причины? Нужны ли для этого новыя открытія по естественнымъ наукамъ, или новыя небывалыя еще наблюденія надъ міромъ нравственнымъ? Сквозь первое предположеніе автора проглядываетъ та мысль, что вотъ, когда наука дойдетъ до того, что оградитъ человѣка отъ неотразимаго теперь дѣйствія внѣшней природы, ему не нужно будетъ и признавать Верховной причины всего и поклоняться ей. По другому же онъ согласенъ признать въ этомъ инстинктъ, вложенный свыше, но вовсе не сознаніе, усвоивающее себѣ добровольно убѣжденіе какъ въ существованіи Верховной причины, такъ и нуждѣ или потребности поклоняться ему. Слабость и безпомощность человѣка есть только одна слабая сторона побужденія взывать о помощи къ Верховной силѣ. Внутри человѣка есть голосъ, говорящій ему, что эта Сила есть его сила, что общеніе съ Нею есть существенная потребность его

духа, что внѣ этого общенія и жизнь и бытіе его не имѣютъ ни смысла, ни цѣли. „Конечно, соглашается съ нами авторъ Вопросовъ, мы должны признать по законамъ нашего разумѣнія существованіе Верховной причины всего сущаго.“ Но не одни законы разумѣнія, не одна только логика требуетъ отъ насъ этого признанія. Есть еще гораздо сильнѣйшее побужденіе къ тому — эта наша свобода. Мы свободны не признавать ничего, какъ это дѣлаютъ или думаютъ дѣлать нигилисты. Но это только напускная лѣнь и бездѣльничество духа. Тамъ, гдѣ есть мысль, а слѣдовательно жизнь, свобода духа опредѣляетъ себя въ сознаніи образомъ абсолютной свободы Верховной причины. Или я самъ Богъ, или я — отраженіе Божества — одно изъ двухъ! Средины между этимъ нѣтъ. И это вовсе не тема, на которую можно сочинять варіаціи и разнообразить ихъ до безконечности, какъ это кажется нашему автору. Если бы такіе капитальные вопросы, какъ бытіе Верховнаго Начала или свобода духа, были только темами для варіацій, тогда не стоило бы много и думать объ этомъ. Тогда оставалось бы только варить химію, да рѣзать живые и мертвые организмы, а о прочемъ и знать не хотѣть, какъ это удобно для себя и хотятъ сдѣлать матеріалисты. Но пока еще человѣкъ не отказался отъ привилегіи употреблять свои умственныя способности, пока еще есть умы,

которые задаютъ себѣ „Вопросы знанія и вѣры“, до тѣхъ поръ можно и должно требовать отъ человѣка, чтобы онъ не уклонялся легкомысленно отъ рѣшенія такихъ важныхъ задачъ, и притомъ отъ рѣшенія серьезнаго. Мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что иному, по такому или другому ходу умствованія, и совѣсть можетъ представиться плодомъ воспитанія, и свобода — результатомъ разумѣнія. Но нельзя же порѣшать такихъ вопросовъ шуткою въ родѣ слѣдующей: „это все темы, на которыхъ дозволяется дѣлать варіаціи до безконечности.“

Возьмемъ напр. хоть эту мысль на разсмотрѣніе: „Свобода возможна для человѣка на столько, на сколько возможно для него разумѣніе, т. е. пониманіе вещей и ихъ дѣйствій по присущимъ въ нихъ законамъ, и прекращается на томъ рубежѣ, гдѣ прекращается это пониманіе.“ Мысль эта сама въ себѣ проста и умѣщается въ одну избитую фразу, что человѣкъ есть существо свободно-разумное. Но автору этой мысли не то хотѣлось доказать. Ему хочется видѣть въ свободѣ не одну изъ принадлежностей существа человѣка, а только продуктъ его умственнаго образованія. Поэтому онъ далѣе и оговаривается, чтобы не осудили его въ введеніи въ природу человѣка безъусловнаго фатализма. Разбирая ближе приведенную мысль, мы съ перваго раза открываемъ въ ней внутреннее противорѣчіе. Въ са-

момъ дѣлѣ, если свобода есть только продуктъ разумѣнія, то самое разумѣніе, эта „способность обособлять себя отъ окружающей природы, защищаться отъ вредныхъ вліяній ея и въ извѣстной мѣрѣ управлять своими дѣйствіями“, не будетъ-ли также обусловливаться свободою? Переводя на простой языкъ мысль автора, мы видимъ, что̀ ему хотѣлось сказать въ этой фразѣ. Ему хотѣлось сказать: научите прежде человѣка понимать природу и умѣть бороться съ нею, тогда онъ и будетъ свободенъ; а пока онъ не знаетъ ничего, пока его разумѣніе не развито, то онъ и несвободенъ. Это отчасти справедливо. Только разумная свобода и есть настоящая свобода. Не даромъ и Христосъ училъ насъ, что пока мы грѣху служимъ и грѣху работаемъ, мы рабы грѣха, и что только истина свободитъ насъ. Но тѣмъ не менѣе свобода есть принадлежность природы нашего духа, и ставить существованіе ея въ зависимость отъ степени разумѣнія — значитъ смѣшивать понятія о существѣ съ понятіемъ о развитіи его. И теплота бываетъ продуктомъ тренія; однако никто не скажетъ, что треніе и есть самая теплота.

Но воротимся къ нашей „Разумной причинѣ,“ тѣмъ болѣе, что авторъ нашъ хочетъ объяснить намъ, что она и Благо. По его мнѣнію, наше Богословіе пристрастно понимаетъ эту благость, обращая ее только на пользу человѣка. „Верховное Существо

небольшую разницу между природою вещества и природою духа. Тамъ дѣйствительно совершается неутомимая работа переставленія частицъ съ одного мѣста на другое, изъ одной формы сочетанія въ другую; между тѣмъ какъ въ духовной природѣ нѣтъ даже и дѣленія на части, но недѣлимое единство сознанія. Напрасно ему кажется, будто и въ семьѣ человѣчества каждое существо не только приносится въ жертву другому, но и чувствуетъ въ томъ потребность. Въ подтвержденіе этого онъ даже придумалъ особый инстинктъ самоотверженія въ человѣкѣ. Начиная съ того, что такого инстинкта никто никогда не открывалъ въ природѣ человѣка, мы самымъ этимъ фактомъ можемъ убѣдиться, что духовная природа человѣка до того свободна, до того способна къ самоопредѣленію, что можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ идти и дѣйствовать вопреки одному изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ животной природы, именно инстинкту самосохраненія. Безъ этой высокой привилегіи человѣческаго духа дѣйствительно „нельзя былобы понять готовности человѣка приносить себя въ жертву для ближняго, для отечества, для Бога.“ „Можно ли было бы заставить кого-нибудь идти на войну, жертвовать жизнію, подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ,“ еслибы не было въ душѣ человѣка силы воли, ставящей его выше всѣхъ побужденій къ наслажденію собственною жизнію?

этимъ сумму общаго блага! Не липрисуди ли бы вы его по меньшей мѣрѣ въ домъ умалишенныхъ? Но у автора изложенной теоріи Верховная Причина этого поголовнаго уничтоженія называется и премудрою и благою — только для всего, а не для частности. Какъ видѣнъ въ этомъ характеръ широкой русской натуры, для которой копейка ребромъ, а только большіе капиталы носятся въ воображеніи! Но какъ безъ копеекъ не бываетъ рублей, безъ единицъ — милліоновъ, такъ безъ частныхъ благъ не только невозможно какое-то общее, но просто никакое. Ничего нѣтъ легче, какъ пускаться въ отвлеченности, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ анализировать эти общія фразы. Сказать: должно любить Бога, очень не трудно — тѣмъ болѣе, что противъ этого и спорить никто не будетъ. Но пусть каждый попробуетъ не только осуществить это правило въ своей жизни, но даже опредѣлить его до мельчайшихъ подробностей, и тогда покажется легче писать „вопросы,“ чѣмъ давать на нихъ „отвѣты.“ Но здраваго смысла у каждаго развитаго человѣка должно быть достаточно для того, чтобы не основывать рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни на однихъ „вѣроятно“ и „чего-то.“ Автора соблазнила мысль о параллели между закономъ бездушной природы и природы животной, по которому организмы приносятся въ жертву одинъ въ пользу другаго. Но онъ забылъ при этомъ

небольшую разницу между природою вещества и природою духа. Тамъ дѣйствительно совершается неутомимая работа переставленія частицъ съ одного мѣста на другое, изъ одной формы сочетанія въ другую; между тѣмъ какъ въ духовной природѣ нѣтъ даже и дѣленія на части, но недѣлимое единство сознанія. Напрасно ему кажется, будто и въ семьѣ человѣчества каждое существо не только приносится въ жертву другому, но и чувствуетъ въ томъ потребность. Въ подтвержденіе этого онъ даже придумалъ особый инстинктъ самоотверженія въ человѣкѣ. Начиная съ того, что такого инстинкта никто никогда не открывалъ въ природѣ человѣка, мы самымъ этимъ фактомъ можемъ убѣдиться, что духовная природа человѣка до того свободна, до того способна къ самоопредѣленію, что можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ идти и дѣйствовать вопреки одному изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ животной природы, именно инстинкту самосохраненія. Безъ этой высокой привилегіи человѣческаго духа дѣйствительно „нельзя былобы понять готовности человѣка приносить себя въ жертву для ближняго, для отечества, для Бога.“ „Можно ли было бы заставить кого-нибудь идти на войну, жертвовать жизнію, подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ,“ еслибы не было въ душѣ человѣка силы воли, ставящей его выше всѣхъ побужденій къ наслажденію собственною жизнію?

Неужели человѣка можно сравнить въ этомъ отношеніи съ быкомъ, котораго ведутъ на веревочкѣ на бойню? Кажется, эта мысль проскользнула въ головѣ и у нашего автора. Иначе онъ не подвергся бы искушенію приписать инстинктъ самоотверженія даже животнымъ, такъ что, по его мнѣнію, лошадь потому только „и употребляется человѣкомъ на полезныя работы," что у нея есть инстинктъ самопожертвованія.

Если предположенія, основанныя на однихъ „вѣроятно" и „что-нибудь," доводятъ до такихъ нелѣпостей, то не удивляйтесь, если самое христіанское ученіе съ образомъ богочеловѣка, страдающаго за насъ, сводится на это же предположеніе объ существованіи въ человѣкѣ инстинкта самопожертвованія. Мы увѣрены, что эта мысль подвернулась автору такъ, кстати; что она никогда не была его серьёзною мыслію, и что, даже написавъ ее, онъ самъ не вѣрилъ нелѣпости своего вывода. Иначе зачѣмъ бы ему оправдываться передъ собою и другими въ томъ, что однако въ человѣкѣ есть потребность жизни и развитія, „потребность, также очевидно вложенная въ человѣка Богомъ?" Казалось бы, что такое внутреннее противорѣчіе въ человѣкѣ, выступающемъ въ печати съ „Вопросами Вѣры и Знанія", должно бы заставить его покраснѣть предъ цѣлымъ свѣтомъ, съ которымъ онъ рѣшился помѣриться силами въ своихъ умствованіяхъ.

Но есть люди, которые, и сказавъ ложь, не краснѣютъ, а только стараются прикрыть собственное свое неловкое положеніе особою развязностію или натянутымъ равнодушіемъ. Такъ поступилъ и нашъ авторъ. Чѣмъ бы, вы думали, онъ заключилъ свою слабую и ребяческую филиппику противъ крѣпкихъ и серьезныхъ вѣрованій и убѣжденій лучшей половины образованнаго міра? — Слѣдующею фразою: „Христіанство, будучи хотя и высокимъ, но такимъ же(?) произведеніемъ вѣковыхъ усилій человѣческаго духа, какъ и все человѣческое образованіе, подлежитъ развитію и дальнѣйшему совершенствованію, какъ въ своихъ основныхъ принципахъ, такъ и въ ихъ примѣненіи.“ Изъ этого слѣдуетъ такое заключеніе, что всѣ вопросы знанія и вѣры, какъ и само христіанство, подлежатъ еще развитію и дальнѣйшему усовершенствованію. Слѣдовательно предлагаемые теперь Вопросы еще не зрѣлы, еще далеко не развиты и очень нуждаются въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи. Говоря это, мы вовсе не хотимъ уколоть автора этихъ вопросовъ его же собственными словами, но пользуемся его чистосердечнымъ сознаніемъ, чтобы сказать ему и его сочувственнымъ читателямъ, какъ опасно не только браться за разрѣшеніе такихъ вопросовъ, но даже и ставить ихъ, когда внутри себя и вокругъ себя чувствуешь неразвитость и недостатокъ совершеннаго убѣжденія. А

быть убѣжденнымъ въ чемъ-нибудь необходимо; иначе сдѣлаемся мыслителями безъ содержанія. Пользоваться своимъ умомъ только для того, чтобы упражняться въ логической гимнастикѣ, значитъ тоже, что учиться плавать, не входя въ воду. Еслибы христіанство и дѣйствительно было только произведеніемъ вѣковыхъ усилій человѣческаго духа, и тогда оно заслуживало бы болѣе серьезнаго отношенія къ нему Вопросовъ, такъ какъ въ это произведеніе положено столько вѣковаго ума, чувства и опыта. Конечно никто не будетъ спорить, что и христіанство подлежитъ развитію и дальнѣйшему совершенствованію — на томъ основаніи, что самъ Основатель его сказалъ: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ,“ т. е. усовершайтесь до безконечности. Но сказать, что это развитіе и это усовершенствованіе должно простираться на самые „основные принципы“ христіанства — значитъ прямо заявить и свое невѣріе и свое невѣдѣніе по отношенію къ этому великому принципу міровой жизни. Развивать принципы еще можно въ ихъ примѣненіи къ практикѣ; но „усовершенствовать“ основные принципы можно только измѣняя самую сущность дѣла. Если основной принципъ христіанства состоитъ въ возстановленіи первобытнаго состоянія человѣка посредствомъ сближенія его чрезъ Христа съ Богомъ, то здѣсь всякое прикосновеніе къ этому принципу

съ цѣлію усовершенствованія его будетъ только профанаціею. Усовершенствовать дѣло другаго можетъ только тотъ, кто самъ совершеннѣе автора этого дѣла. Во всякомъ случаѣ, каждое усовершенствованіе предполагаетъ предварительную ошибку или недосмотръ, или упущеніе. Хотите вы допустить, что Христіанство — ошибка или недоразумѣніе, тогда покажите намъ что-либо лучшее, и мы схватимся за это не только обѣими руками, но и душею, и сердцемъ, и всѣми помышленіями. Для этого мы пойдемъ за авторомъ Вопросовъ даже и въ его Приложенія къ нимъ.

Приложеніе I[e].

Въ доказательство того, что нравственные принципы, выработанные вѣроучителями-философами, отличаются чистотою и возвышенностію, мало уступающими принципамъ христіанскимъ, приводятся выписки изъ священныхъ книгъ Китая. Вотъ на пр. какой-то внукъ Конфуція пишетъ такую мудрость: „люди, самые невѣжественные и грубые изъ толпы, могутъ — — вести себя хорошо.“ Вы удивляетесь этой мудрости, или вамъ приходитъ при этомъ на мысль ученикъ семинаріи, въ первый разъ пишущій періодъ на тему: должно любить Бога — или — лѣность есть порокъ? Но, можетъ быть, возвышенность ученія слѣдуетъ дальше. Вотъ слѣдуетъ антитезъ первой чистой мысли. „Но, говоритъ внучекъ Конфуція, не дано никому, даже достигшимъ высшей степени святости, совершенное знаніе нравственной науки.“ Не правда ли, какъ это возвышен-

но? Какой хотите достигайте святости, науку-то нравственную никогда не узнаете. Отъ чего же такъ? Да отъ того, говоритъ г. Чунгъ-юнгъ, жившій за 500 лѣтъ до Р. Х., что „всегда остается нѣчто неизвѣстное, недоступное самымъ высокимъ умамъ на землѣ.“ Послѣ этого стоитъ ли и учиться, когда ничего нельзя добиться даже на самой высшей ступени святости! Китайцы, правнуки внука Конфуціева, такъ и поступаютъ, вѣрные этому принципу, по словамъ автора Вопросовъ, мало уступающему въ возвышенности принципу Христіанства.

Но вотъ еще въ параллель къ этому умственному принципу выставляется и нравственный, подобный ему. „Люди, самые невѣжественные и грубые изъ толпы, мужчины и женщины, могутъ исполнять нравственное ученіе въ томъ, что оно имѣетъ наиболѣе общаго и обиходнаго“ (т. е. вѣроятно — не кусаться, не лягаться и т. под.); „но не дано никому, даже достигшимъ высшей степени святости, достигнуть до нравственнаго совершенства поступковъ; всегда остается что нибудь, чего мы не въ состояніи исполнить.“ Представьте себѣ толпу, мужчинъ и женщинъ, слушающую внука Конфуціева, проповѣдующаго имъ въ сказочномъ тонѣ подобныя истины! Какія мысли должны проходить при этомъ въ ихъ головахъ! „Люди самые грубые могутъ (т. е. позволяется имъ, или они имѣютъ еще физическую

возможность?) исполнять общее и обиходное изъ нравственнаго ученія.“ Что-жъ бы это было такое общее? Развѣ чинно сидѣть за однимъ столомъ? Или вмѣстѣ ходить на работу? Или наконецъ дѣлать общее поклоненіе до земли предъ китайскимъ Императоромъ? А вотъ еще что-то обиходное, что тоже могутъ исполнять мужчины и женщины! Удивительная, въ самомъ дѣлѣ, чистота и возвышенность ученія за 500 лѣтъ до Р. Х.! Но вѣроятно, чтобы не сдѣлать человѣка надменнымъ отъ мысли исполненія общихъ и обиходныхъ принциповъ нравственности, книга Чунгъ-юнга сейчасъ же и осаживаетъ своихъ адептовъ. „Но, говоритъ, и не думайте достигнуть до нравственнаго совершенства поступковъ! Это, говоритъ, не дано никому!“ И такое-то нелѣпое ученіе, этотъ лепетъ жалкой мудрости какой-то „Неизмѣнности въ Срединѣ“ не стыдятся въ наше время ставить на ряду съ ученіемъ Христіанства и говорить безсовѣстно или безсознательно, что оно мало чѣмъ уступаетъ принципамъ Христіанства! Это даже называютъ „высотою нравственныхъ понятій у народовъ древняго Востока,“ между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности нравственнаго развитія тогдашняго времени и самомъ жалкомъ состояніи общества. Не обидны ли эти самыя выраженія о невѣжествѣ и грубости толпы? Не напоминаютъ ли они живо зарожденія этой

пагубной системы кастъ, которая и доселѣ царствуетъ тамъ, куда не проникло живое начало Христіанства! Интереснѣе всего то, что эти нелѣпыя книги въ родѣ „Неизмѣнности въ Срединѣ“ поражаютъ людей Вопрошающихъ своею глубокою древностію, своимъ преданіемъ. Когда дѣло идетъ не только о Библіи, но даже о новозавѣтныхъ книгахъ, эти Вопрошатели прежде всего возстаютъ противъ ихъ древности, противъ достовѣрности ихъ преданій. А какой-нибудь Чунгъ-Юнгъ или Менгъ-Цеу смѣло выставляется съ своимъ datum: 500 лѣтъ до Р. Хр. Какъ ужъ не сказали: такого-то мѣсяца и дня?

Былобы утомительно прослѣдить всѣ эти мудрости внуковъ и учениковъ Конфуція, собранныя, какъ рѣдкіе перлы, изъ различныхъ главъ этихъ пресловутыхъ учителей. Во всѣхъ этихъ изрѣченіяхъ главнымъ образомъ слышится самовеличаніе учителей и глубокое презрѣніе къ невѣжественной и грубой толпѣ. „Вотъ почему человѣкъ, истинно совершенный, трудится надъ усовершенствованіемъ другихъ людей,“ говоритъ XXVI. Глава I. книги Чунгъ-Юнга. Сравните это съ Гл. XII, 2, гдѣ именно говорится, что достигнуть до нравственнаго совершенства никому не дано, и вы поймете это противорѣчіе только тогда, когда представите себѣ внука Конфуціева возсѣдающимъ передъ презрѣнною толпою, которой онъ говоритъ смѣло въ глаза: „вы,

мужчины и женщины, можете еще совершать общее и обиходное изъ нравственности, но быть совершенными не ждите. Вамъ это не дано. А вотъ мы, трудящіеся надъ вашимъ усовершенствованіемъ, другое дѣло. Мы — истинно совершенны, потому что трудимся, чтобы васъ поднять немного до нашей высоты.“ Такъ говоритъ эгоизмъ человѣческій; иначе онъ и говорить не можетъ. Намъ даже совѣстно подобное ученіе сравнивать съ ученіемъ Христіанскимъ, такъ точно какъ былобы совѣстно взрослому и развитому человѣку толковать и разъяснять разницу между зимою и лѣтомъ, между свѣтомъ и тьмою. Но нашъ авторъ очень обрадовался, нашедши у Конфуція изрѣченіе „слово въ слово“ похожее на Евангельское. Дѣло было такъ. Разъ философъ Конфуцій сказалъ: мое ученіе просто и удобопонятно. Слушавшіе его ученики изумились такой выходкѣ учителя и стали спрашивать другъ друга, что значатъ эти слова? Мы не думаемъ, чтобы Конфуцій былъ Гегелемъ своего времени и чтобы онъ произносилъ сентенціи мудреныя. „Дѣти должны имѣть сыновнее благочестіе въ родительскомъ домѣ и братскую почтительность внѣ дома,“ это конечно изрѣченіе мудреное и неудобопонятное; но все-таки учениковъ его не поразилъ бы и послѣ этого такой парадоксъ ихъ учителя, будто „ученіе его просто и удобопонятно.“ Очевидно, наслушавшись сами или узнавъ по преда-

нію, что внукъ Конфуція училъ, что надъ усовершенствованіемъ другихъ трудится человѣкъ, истинно совершенный, они не могли себѣ представить, какимъ же образомъ Конфуцій можетъ быть ихъ учителемъ, если его ученіе такъ просто, что каждый можетъ и самъ собою понимать его. Тогда является къ нимъ на помощь Ценгъ-Цеу, вѣроятно ассистентъ главнаго профессора, какимъ былъ философъ (Конфуцій), и говоритъ: „Ученіе нашего учителя состоитъ единственно въ томъ, чтобы имѣть правоту сердца и любить ближняго, какъ самого себя.“ Вѣроятно послѣ этого ученики успокоились, смекнувъ, что это однако не такъ-то просто, да и не совсѣмъ-то удобопонятно. Легко сказать: „имѣть правоту сердца.“ А въ чемъ состоитъ эта правота и какъ ее достигнуть, это далеко не такъ просто. Да и любить ближняго, какъ самого себя, не такъ-то удобопонятно. Въ примѣчаніи къ этому слову нашего автора особенно поразило буквальное сходство этого выраженія съ Евангельскимъ. Но ему бы именно слѣдовало обратить вниманіе на контекстъ и вдуматься получше въ то, отъ чего-же въ самомъ дѣлѣ для учениковъ Конфуція такое простое ученіе показалось мудренымъ и неудобоисполнимымъ, тогда какъ въ ученіи Христовомъ эта проповѣдь любви всего болѣе привлекала къ себѣ послѣдователей. Если здѣсь мѣсто объяснять эту громадную разницу, то мы скажемъ,

что Конфуцію, не смотря на его философію, не доставало главнаго звѣна въ цѣпи его афоризмовъ, и именно примиренія человѣка съ Богомъ въ лицѣ уполномоченнаго на то посредника. Хорошо говорить: люби ближняго, какъ самого себя. А когда себя-то самого еще не любишь? Когда не понимаешь даже любви, какъ чувства? Надо прежде быть самому примиреннымъ съ собою во внутренности своего существа, чтобы умѣть разливать эту любовь и вокругъ себя. А гдѣ взять это примиреніе? Только въ мирѣ съ Богомъ, который и есть Любовь. Также точно и правоту сердца не возможно и понять, пока въ сознаніи не создастся увѣренность оправданія себя передъ Богомъ путемъ вѣрованія въ оправдательную жертву Примирителя Бога съ человѣкомъ. І. Христосъ могъ говорить не только о любви къ ближнему, но даже и о любви къ врагамъ на томъ одномъ основаніи, что и любовь, и вражда людей между собою ничто предъ великостію любви и примиренія человѣка съ Богомъ. По этому такое отрывочное выраженіе въ ученіи Конфуція, какъ „любить ближняго, какъ самого себя,“ не смотря на свою видимо евангельскую буквальность, навсегда и осталось буквою и въ жизни, и въ практикѣ послѣдователей Конфуція. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа и внутренняго смысла, одна буква не принесетъ жизни, оставаясь мертвою.

Не унижая мудрости житейской ни Ценгъ-Цеу,

ни Менгъ-Цеу, ни самого Кн-Гангъ-Цеу, мы не можемъ однако не сказать, что ученіе ихъ далеко не было такимъ безкорыстнымъ, какимъ оно должно бы быть въ силу самой ихъ философской мудрости. Вникните на пр. хоть въ эту замысловатую притчу: „Любите добродѣтель, и народъ будетъ добродѣтеленъ. Добродѣтели человѣка высокопоставленнаго подобны вѣтру; добродѣтели человѣка обыкновеннаго подобны травѣ; трава пригибается, когда вѣтеръ проходитъ надъ нею.“ Вотъ вамъ житейская мудрость! Любите добродѣтель, потому что она полезна. Здѣсь ужъ нѣтъ и тѣни мысли о томъ, что добродѣтель сама въ себѣ полезна, что это нормальное настроеніе воли человѣка, что это плодъ нашихъ естественныхъ отношеній къ Богу. Напротивъ тутъ добродѣтели, какъ opera operata, уподобляются съ одной стороны вѣтру, а съ другой — травѣ. Трава пригибается отъ вѣтра. Главное дѣло — только бы она пригибалась, только бы народъ былъ въ подчиненіи у своихъ властителей, а тамъ какія бы то ни были взяты для этого средства. Одни употребляютъ для этого казни; а Конфуцій отвѣчаетъ „почтительно“: за чѣмъ казни? возьмите лучше добродѣтели! Еще лучше будутъ пригибаться передъ вами. — И это-то ученіе тоже мало чѣмъ уступаетъ въ возвышенности Христіанству, которое учитъ повиноваться властямъ не изъ страха только, но по совѣсти? Прав-

ду сказалъ Менгъ-Цеу: „Кто не имѣетъ чувства стыда и отвращенія, тотъ не человѣкъ.“

Законы Ману, какъ правила житейской нравственности, не лишены достоинства, чистоты и нѣкоторой возвышенности. Но этому не слѣдуетъ удивляться, принимая во вниманіе глубокую древность этихъ правилъ. Напротивъ, эта-то древность больше всего оправдываетъ ихъ чистоту и ихъ возвышенность. Она-то и говоритъ противъ тѣхъ, которые полагаютъ, будто христіанское ученіе было произведеніемъ вѣковыхъ усилій человѣческаго духа. Исторія совершенно идетъ въ разрѣзъ съ этою теоріею. Чѣмъ глубже проникаемъ въ даль человѣческаго рода, тѣмъ проще представляются намъ отношенія его и тѣмъ возвышеннѣе его взгляды на духовный міръ. И на оборотъ, по мѣрѣ развитія исторіи и эти отношенія запутываются, и эти воззрѣнія понижаются и съуживаются. Причина этого понятна для того, кто не пересоздаетъ бытописанія по своему воображенію. Чѣмъ ближе потокъ къ своему источнику, тѣмъ онъ чище. Живость преданія и малоиспорченность внутренняя гарантировала еще человѣку остатокъ его природнаго нравственнаго смысла. Только по мѣрѣ удаленія отъ этой первобытной чистоты начинается и смѣшеніе нравственныхъ понятій и уклоненіе въ противоположное естественному направленіе воли ко злу. Вопрошающихъ наблюдателей этого явленія

поражаетъ больше всего сходство этихъ древнихъ правилъ нравственности съ откровеннымъ ученіемъ Евангелія. А между тѣмъ ничего нѣтъ естественнѣе, какъ эта встрѣча древнихъ преданій съ возобновленнымъ завѣтомъ Правды, такъ какъ Правда — одна. Былобы нелѣпо думать, будто откровеніе было что-либо новое, прежде никогда неизвѣстное человѣку ученіе. Откровеніе — это собственно только просвѣтленіе сознанія человѣка, выраженный въ формулѣ законъ нравственнаго бытія. Не въ томъ дѣло, что Евангеліе выставляетъ туже истину, которую нѣкогда высказалъ какой-то Ману въ своемъ ученіи. Главное дѣло въ новомъ воздѣйствіи этой же самой истины на сознаніе человѣка. Напрасно думаютъ, будто древнія ученія мудрецовъ потому только не проникли въ такой степени въ жизнь человѣчества, что тогда не доставало готовой почвы для принятія ихъ. Нѣтъ; эти прекрасныя растенія засыхали скоро потому, что они не имѣли для своего роста влаги и прозябали въ душной атмосферѣ. Почва для нихъ была — это вѣра въ Бога, въ загробную жизнь. Но эта вѣра не была орошена любовію, которую принесло на землю христіанство въ откровеніи о примиреніи Бога съ человѣкомъ и усыновленіи послѣдняго въ лицѣ Бого-человѣка Богу. Этой вѣрѣ не доставало надежды, которою, какъ воздухомъ, дышетъ каждый вѣрующій

во имя Христово. Древніе мудрецы-философы проповѣдывали правила нравственности, какъ объективную истину. Христіанство поставило эту истину вопросомъ жизни для всѣхъ и каждаго. Быть добрымъ въ глазахъ мудрецовъ-философовъ было участью избранныхъ, совершенствомъ, которое дается не каждому. На языкѣ христіанства добродѣтель есть принадлежность новаго званія чадъ Божіихъ. Не потому добро хорошо и любезно, что оно пріятно и полезно; но потому оно пріятно и полезно, что оно добро. Сущность добра и сущность нравственнаго бытія не раздѣльны. Такое ученіе столько же возвышенно, сколько и просто; столько же мудро, какъ и удобопонятно.

О значеніи миѳологіи древнихъ.

Размышляя о миѳологіи древнихъ, задаемъ себѣ невольно вопросъ, — какъ могли лучшіе люди древняго міра успокоивать себя на такихъ фантазіяхъ! Эта масса боговъ, это обиліе нелѣпыхъ миѳовъ, эта необузданная игра фантазіи на одну религіозную тему, должны бы, казалось, убѣдить людей, что тамъ, гдѣ господствуетъ такой произволъ въ области религіозныхъ представленій, не можетъ быть никакого убѣжденія, а тѣмъ менѣе задушевной вѣры. Очень замѣчательное явленіе въ языческомъ мірѣ — это съ одной стороны отсутствіе всякаго догматизма, а съ другой недостатокъ пропагандизма. И то и другое ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основаніи этихъ религіозныхъ представленій не лежало никакого яснаго понятія о предметѣ вѣрованій, и еще менѣе какое-либо твердое убѣжденіе въ истинѣ. То были какіе-то образы безъ лицъ, какія-то болѣзненныя галлюцинаціи необузданной фантазіи. Если съ этими богами древняго міра сравнить средневѣ-

ковое почитаніе святыхъ въ видѣ патроновъ областей и городовъ, то сейчасъ видна огромная разница уже въ томъ, что здѣсь по крайней мѣрѣ въ основаніи лежало историческое преданіе, между тѣмъ какъ тамъ самыя личности были вымышленными произведеніями человѣческой фантазіи.

Но въ защиту язычества говорятъ, что религіозныя представленія въ немъ не были одною только игрою поэтическаго воображенія, но что это были олицетворенія космогоническихъ силъ природы, воплощавшія сперва чувственные истинкты человѣка, потомъ его духовныя и нравственныя побужденія, и наконецъ намекавшія на безсмертіе души и загробную жизнь. Послѣднихъ намековъ мы не знаемъ въ язычествѣ, если только не отнести сюда сказку о Харонѣ, перевозящемъ души черезъ Стиксъ. Что-же касается до космогоническихъ олицетвореній, то мы здѣсь такъ же мало видимъ религіи въ смыслѣ правильныхъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ, какъ въ какой нибудь картинѣ, представляющей мірозданіе, настоящее понятіе о всемогуществѣ Творца. Дѣйствительно, за неимѣніемъ ясныхъ понятій о религіи, человѣку не оставалось ничего болѣе, какъ возводить въ область фантазіи совершавшіяся передъ его глазами явленія природы. Пришлось увидѣть восхожденіе солнца и восхититься утреннимъ разсвѣтомъ, и вотъ является Ѳебъ на колесницѣ и Ав-

рора съ золотыми перстами. Загремѣла гроза и полился дождь потокомъ, давай Юпитера громовержца и Нептуна на дельфинахъ. Пришла весна — это Церера плодородная; настала осень со сборомъ винограда, выдумали Бахуса и Вакханокъ съ чашею вина въ рукахъ. Панъ и Афродита, а между ними Эросъ и Граціи, изобразили собою прелести половыхъ отношеній мущины къ женщинѣ, и изъ всего этого вмѣстѣ образовалась прелестная картина природы, прельщающая нѣкоторыхъ и доселѣ своею привлекательностію до такой степени, что они не могутъ простить Христіанству такого варварства, съ которымъ оно безжалостно смыло эти соблазны съ полотна міровой жизни.

Но гдѣ же здѣсь хоть тѣнь религіи — того, что мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ, — т. е. не только отношенія человѣка къ Богу, но еще болѣе возсоединенія (religio) этой порванной связи? Неужели же въ Юпитерѣ, принимающемъ образъ быка для удовлетворенія „опредѣленныхъ человѣческихъ побужденій?“ Или въ „тѣхъ отношеніяхъ къ богамъ и героямъ, которыя представляютъ собою любовный кодексъ такой полноты, что конечно ничего подобнаго не создастъ уже человѣческая фантазія?“ Правда миѳологія также поступательна, какъ все человѣческое, и потому на пр. „Ѳебъ, прежде представитель солнечнаго свѣта, является“ потомъ „олицетво-

реніемъ красоты мужской;“ послѣ „это понятіе одухотворяется и превращаетъ Θеба-Аполлона въ представителя красоты въ мірѣ науки и искусства. Да, если науки и искусства составляютъ для кого-нибудь часть религіи, то пусть онъ признаетъ Θеба-Аполлона за бога и поклоняется ему. А на дѣлѣ было вѣроятно гораздо проще. Какой-нибудь поэтъ любилъ вставать рано и на зарѣ писать свои вдохновенія. Вотъ онъ и началъ взывать къ Θебу, т. е. Солнцу, какъ покровителю поэзіи. А другой любилъ мечтать вечеромъ, смотря на звѣздное небо, и у него явилась въ воображеніи Муза Уранія, что по русски значитъ: забава вечеромъ подъ звѣзднымъ небомъ. Профаны же, незнавшіе хорошенько по гречески, вообразили себѣ на самомъ дѣлѣ какого-то Θеба, котораго они съ роду не видали, и какую-то прелестную Уранію, которой красоты они себѣ и не воображали, особенно ложась послѣ дневной работы довольно рано до появленія звѣздъ на небѣ.

Странно, что въ нашъ положительный вѣкъ, когда одинъ трудъ и работа заявляютъ свои права на реальность, могутъ еще увлекаться такими бездѣльными фантазіями, какимъ предавались греческіе и римскіе дармоѣды послѣ лукулловскихъ обѣдовъ, уходя отъ нечего дѣлать „въ великую и роскошную область духа человѣческаго“ — въ какую же вы думаете? — „въ область поэтической фантазіи.“ Не

слышится ли вамъ въ этомъ дѣйствіе гашиша современныхъ Турокъ, которые также поджавъ ноги и сложивъ руки, утопаютъ въ этой „великой и роскошной области духа человѣческаго“ т. е. въ лѣни? Но вотъ, говорятъ, Аѳина Минерва! Это ужъ „олицетвореніе еще (?) высшей стороны человѣческаго духа — нравственной потребности (чего?).“ Въ чемъ же состоитъ эта „нравственная потребность?“ Во первыхъ „она дѣвственница.“ Слѣдовательно дѣвственность есть „нравственная потребность?“ Во вторыхъ „она учитъ человѣка его долгу.“ Какому же? Вѣдь въ этомъ и состоитъ вся суть нравственности, чтобы опредѣлить этотъ долгъ. „Она предписываетъ ему дѣятельную жизнь, полезную жизнь, на поприщѣ ли общественномъ, или въ скромныхъ занятіяхъ торговлею, ремесломъ, наукою, во всякой практической дѣятельности. Оттого она также „Минерва — *Ἐργάνη* — практическая.“ По этой программѣ всякій филистеръ, торгующій въ мелочной лавочкѣ, всякій жидокъ, полезно обдѣлывающій свои дѣла, всякій сапожникъ, добросовѣстно починивающій сапогъ, всякій школьный учитель, просиживающій аккуратно свои часы съ линейкою въ рукахъ, будутъ религіозные люди на службѣ Аѳины Минервы. Жалкая была бы религія этихъ людей, если бы они свой духъ только и упражняли одинъ въ созерцаніи дегтя и сапоговъ, другой въ исчисле-

ніи процентовъ съ полезнаго предпріятія, а третій въ перечитываніи своей замасленной книги о подвигахъ Александра Македонскаго или о живучести какого-нибудь клопа. Но насъ хотятъ удивить еще болѣе на счетъ высоты Аѳины-Минервы и пускаютъ такую фразу: „Но самое высшее значеніе ея — это воплощеніе принципа нравственнаго долга.“ Но какъ это воплощеніе производится, и что такое „принципъ нравственнаго долга,“ намъ не объясняютъ; и потому мы оставляемъ эту фразу неприкосновенною.

Но вотъ нашъ авторъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло и въ этой статьѣ, хочетъ намъ серьезно доказать, что въ вѣрованіяхъ языческихъ нельзя не видѣть глубокаго смысла. Въ отвѣтъ на это мы скажемъ, что развитый человѣкъ можетъ вложить глубокій смыслъ въ самыя пустыя формы, которыя вовсе его не имѣли и даже не претендовали имѣть его. Доказательствомъ тому могутъ служить всѣ тѣ археологическія увлеченія, которыя не рѣдко какой-нибудь самой нелѣпой надписи навязываютъ смыслъ чуть не міровой. Такъ точно бываетъ и съ миѳологіею древнихъ. Мы, Христіане, одухотворенные насквозь духомъ истины, не можемъ себѣ представить, чтобы люди, до насъ жившіе, могли такъ дѣтски заниматься игрою своего воображенія безъ всякой серьезной мысли о чемъ нибудь высокомъ. Такъ взрослые,

смотря на игры дѣтей, отъискиваютъ въ нихъ логическій смыслъ и нравственное значеніе. Оно и есть, и то и другое, въ этомъ безотчетномъ еще упражненіи духовныхъ силъ дитяти; но только безсознательно для нихъ самихъ, и потому безсодержательно, не смотря на присутствіе формы. Мы не отвергаемъ дѣятельности духа и у язычниковъ, потому что и они были также люди. И потому мы готовы сказать съ нашимъ авторомъ, что ихъ миѳологія была своего рода психологіею въ образахъ. Но самъ же авторъ сознается, что эта психологія выработала только одинъ образъ, одну форму, остановивъ все свое вниманіе на изящной внѣшности. Не явное ли это доказательство безсилія языческаго міра вознестись надъ формою въ область духовнаго міросозерцанія, гдѣ человѣкъ могъ бы опредѣлить настоящее мѣсто своему Я въ цѣпи мірозданія? Правда, нашему автору хочется навязать языческому искусству совсѣмъ чуждую ему мысль, будто оно „избравъ образъ человѣка (т. е. его тѣло), какъ лучшее выраженіе божественнаго духа, тѣмъ указало ту истину, къ которой пришла только новѣйшая философія (?); — а именно, что въ человѣческомъ духѣ раскрывается высшее сознаніе духа божественнаго.“ Прежде всего скажемъ, что до такой высоты въ своихъ ваяніяхъ никогда и не думало доходить языческое искусство; а потомъ напомнимъ автору, что первая ра-

зумная оцѣнка человѣческаго тѣла дана была христіанствомъ. „Или вы не знаете, писалъ Ап. Павелъ къ язычникамъ Коринѳянамъ, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ святаго Духа? Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ.“ Греческое язычество вовсе не потому остановилось на изящной формѣ человѣческаго тѣла, что оно видѣло въ немъ лучшую форму идеи; но только потому, что помимо самой формы оно и не могло вознестись до идеи божества. Было одно только покушеніе отрѣшиться отъ этой внѣшности въ языческомъ мірѣ, но Умъ Сократа не устоялъ предъ тѣсными понятіями современниковъ, и его отравили, какъ безбожника.

Но защитники язычества хотятъ возвести это жалкое состояніе духовнаго развитія человѣка чуть не въ идеальную апогею человѣческой природы. По ихъ мнѣнію языческая религія вела къ всестороннему развитію человѣческаго духа — потому именно, что она не подавляла его уровнемъ неизмѣннаго догматизма. Съ этой стороны чистый нигилизмъ долженъ бы имѣть еще большую прелесть въ глазахъ защитниковъ язычества. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть болѣе простора, какъ не тамъ, гдѣ ничего нѣтъ? Но этому-то мы и настаиваемъ на томъ, что язычество никогда не было религіею въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Если между искусствомъ и поэзіею была та-

кая тѣсная связь съ язычествомъ, что ихъ трудно было отдѣлить одно отъ другаго, то это именно и доказываетъ, что само язычество было ничто иное, какъ только искусство воспроизводить образы фантазіи въ изящныхъ формахъ. Даже то замѣчаніе, что „между религіею (языческою) и всею дѣятельностію человѣка не было того непримиримаго разлада, который насъ окружаетъ," выяснятъ намъ только то, что эта религія была только сколкомъ текущей жизни, а не указаніемъ съ неба пути заблуждающемуся человѣчеству. Легко было людямъ сживаться съ своими страстями, когда эти самыя страсти были возведены эгоизмомъ человѣка въ божества, которымъ можно было поклоняться необузданно. Намъ говорятъ, будто „эллинская жизнь отъ того и развилась такъ гармонически." Мы спрашиваемъ автора этой фразы, въ чемъ полагаетъ онъ гармонію эллинской жизни? Въ рабствѣ ли, на которомъ богатые и сильные древней Эллады созидали себѣ многоцѣнные и многотрудные причуды своей фантазіи? Или въ лукулловскихъ обѣдахъ, за которыми объѣдались классическіе писатели, образцы изящества и красоты для многихъ изъ нашихъ современниковъ? Или наконецъ въ этихъ знаменитыхъ побѣдахъ, герои которыхъ на трупахъ павшихъ жертвъ честолюбія одного украшали себя лавровыми вѣнками? И послѣ этого можно еще говорить, что „Европа обязана своимъ возрожденіемъ

изъ средневѣковаго мрака разнообразному творчеству Грековъ?“ Нѣтъ; всякій искренній другъ человѣчества долженъ сказать себѣ: Слава въ вышнихъ Богу, что наконецъ эти варварства образованнаго языческаго міра прошли, и что мы близимся болѣе и болѣе къ золотому вѣку истиннаго христіанства, когда люди дѣйствительно будутъ братьями, усыновленными въ Христѣ чадами Божіими. Намъ указываютъ часто и безпощадно на упадокъ просвѣщенія въ среднія вѣка христіанства, и всю вину за это сваливаютъ на самое христіанство. Но нужно знать хоть не много духъ христіанства, чтобы не быть недобросовѣстнымъ въ этомъ отношеніи; а съ другой стороны довольно знать хоть не много исторію, чтобы средневѣковое варварство объяснить себѣ изъ настоящихъ его источниковъ. Если бы это время было цвѣтущимъ періодомъ христіанства, тогда мы не взялись бы и защищать его. По счастію то было печальное время упадка христіанской религіи, — время, въ которое Церковь сдѣлалась достояніемъ людей, ослѣпленныхъ страстями и руководимыхъ житейскими интересами. Въ такой душной атмосферѣ христіанство неминуемо должно было заглохнуть, какъ горящая искра подъ кучею пепла. Стоило только сильнѣе дунуть на эту кучу, чтобы пепелъ разлѣтѣлся во всѣ стороны и эта искра воспламенилась новою жизнію. Несправедливо думать, будто „на-

чатки новой цивилизаціи въ Западной Европѣ появились вмѣстѣ съ возвращеніемъ общества къ изученію древняго міра.“ Реформація, а не классицизмъ, спасла римскую церковь отъ погибели. Безъ реформаціи никому не пришло бы и въ голову присѣсть за изученіе классиковъ. Да впрочемъ здѣсь вся сила лежала въ самомъ изученіи, въ возвращеніи къ умственной, самостоятельной работѣ, въ критическомъ отношеніи къ дѣлу. Самый „древній міръ,“ какъ предметъ изученія, былъ здѣсь ни при чемъ. Возвращаться къ нему никто болѣе не хотѣлъ, да и не могъ, такъ какъ онъ рушился со всѣмъ своимъ строемъ при міровомъ переворотѣ, произведенномъ христіанствомъ. Проповѣдуя высокія нравственныя начала, христіанство прежде всего обращалось къ уму человѣка, поставляя его самого судьею могущихъ произойти отъ того послѣдствій. Нельзя взвести на христіанство болѣе грубой клеветы, какъ та, будто „оно прямо объявляло безполезность, даже вредъ искусства и науки,“ и въ доказательство этого указывать на съумасшествіе римской церкви или злодѣйства инквизиціи. Какъ будто такія варварскія изъувѣрства могутъ быть объяснимы духомъ христіанства, какъ великаго принципа эманципаціи человѣчества отъ темныхъ увлеченій страсти! А нашъ вѣкъ просвѣщенія и свободы развѣ произведеніе гнилой мертвечины, называемой классицизмомъ? Или насъ

руководитъ въ нашемъ современномъ прогрессѣ таже старушка Минерва-Аѳина? Не стали ли мы выше Юпитера громовержца одною нашею наукою объ электричествѣ? Не превзошли ли мы своими нравственными соціальными идеями всѣхъ философовъ древности, мечтавшихъ о разныхъ республикахъ? Но автору защиты язычества именно и не нравится этотъ „соціальный смыслъ“ христіанства, по его мнѣнію, „враждебный и нынѣ существующему общественному порядку.“ Такого доноса на христіанство вѣроятно еще никто не дѣлалъ ни въ одну изъ тайныхъ полицій цивилизованныхъ государствъ. А между тѣмъ всѣ эти государства сами все болѣе и болѣе проникаются этимъ соціальнымъ смысломъ. Вотъ падаетъ то тамъ, то самъ рабство; отмѣняются разныя привилегіи сословій; проповѣдуется равенство всѣхъ предъ закономъ. Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти соціальныя идеи были заимствованы изъ классической древности, изъ „поучительнаго даже для нашего времени глубокаго смысла языческихъ вѣрованій.“ Нѣтъ, эти идеи — чисто произведеніе христіанства, и мы готовы денонсировать его за это предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Придетъ время, когда самые фанатическіе защитники язычества вполнѣ оцѣнятъ великое значеніе, которое имѣетъ христіанское вѣроученіе для всемірнаго образованія, и когда всѣ почувствуютъ, что

слышится ли вамъ въ этомъ дѣйствіе гашиша современныхъ Турокъ, которые также поджавъ ноги и сложивъ руки, утопаютъ въ этой „великой и роскошной области духа человѣческаго“ т. е. въ лѣни? Но вотъ, говорятъ, Аѳина Минерва! Это ужъ „олицетвореніе еще (?) высшей стороны человѣческаго духа — нравственной потребности (чего?).“ Въ чемъ же состоитъ эта „нравственная потребность?“ Во первыхъ „она дѣвственница.“ Слѣдовательно дѣвственность есть „нравственная потребность?“ Во вторыхъ „она учитъ человѣка его долгу.“ Какому же? Вѣдь въ этомъ и состоитъ вся суть нравственности, чтобы опредѣлить этотъ долгъ. „Она предписываетъ ему дѣятельную жизнь, полезную жизнь, на поприщѣ ли общественномъ, или въ скромныхъ занятіяхъ торговлею, ремесломъ, наукою, во всякой практической дѣятельности. Оттого она также „Минерва — *Ἐργάνη* — практическая.“ По этой программѣ всякій филистеръ, торгующій въ мелочной лавочкѣ, всякій жидокъ, полезно обдѣлывающій свои дѣла, всякій сапожникъ, добросовѣстно починивающій сапогъ, всякій школьный учитель, просиживающій аккуратно свои часы съ линейкою въ рукахъ, будутъ религіозные люди на службѣ Аѳины Минервы. Жалкая была бы религія этихъ людей, если бы они свой духъ только и упражняли одинъ въ созерцаніи дегтя и сапоговъ, другой въ исчисле-

ніи процентовъ съ полезнаго предпріятія, а третій въ перечитываніи своей замасленной книги о подвигахъ Александра Македонскаго или о живучести какого-нибудь клопа. Но насъ хотятъ удивить еще болѣе на счетъ высоты Аѳины-Минервы и пускаютъ такую фразу: „Но самое высшее значеніе ея — это воплощеніе принципа нравственнаго долга.“ Но какъ это воплощеніе производится, и что такое „принципъ нравственнаго долга,“ намъ не объясняютъ; и потому мы оставляемъ эту фразу неприкосновенною.

Но вотъ нашъ авторъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло и въ этой статьѣ, хочетъ намъ серьезно доказать, что въ вѣрованіяхъ языческихъ нельзя не видѣть глубокаго смысла. Въ отвѣтъ на это мы скажемъ, что развитый человѣкъ можетъ вложить глубокій смыслъ въ самыя пустыя формы, которыя вовсе его не имѣли и даже не претендовали имѣть его. Доказательствомъ тому могутъ служить всѣ тѣ археологическія увлеченія, которыя не рѣдко какой-нибудь самой нелѣпой надписи навязываютъ смыслъ чуть не міровой. Такъ точно бываетъ и съ миѳологіею древнихъ. Мы, Христіане, одухотворенные насквозь духомъ истины, не можемъ себѣ представить, чтобы люди, до насъ жившіе, могли такъ дѣтски заниматься игрою своего воображенія безъ всякой серьезной мысли о чемъ нибудь высокомъ. Такъ взрослые,

писаніямъ, и превративъ свободное возрастаніе человѣка въ мѣру возраста и совершенства чадъ Божіихъ въ рабское приниженіе воли предъ какимъ нибудь грязнымъ капуциномъ! И это вы еще смѣете называть религіею? Вы порочите имя Христово, прикрывая имъ свои низкія страсти, принявшія у васъ теперь названія папства, кардинальства, даже епископства. Послѣ этого не удивляйтесь, что невѣріе поднимаетъ свою главу противъ васъ — о, если бы только противъ васъ! — но нѣтъ, вы такъ уронили, загрязнили самое христіанство, что оно отождествилось въ глазахъ невѣрія съ вашею сектою, и какъ трудно теперь очистить его отъ всѣхъ вашихъ искаженій! Но придетъ время, и, можетъ быть, оно уже настало, когда истина христіанства будетъ очищена отъ всѣхъ тѣхъ наносныхъ элементовъ, которыми вы засоряли этотъ живой источникъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, и тогда міръ познаетъ, что христіанство не только не имѣло и мысли подавлять законныя требованія нашей духовной природы и накидывать траурный крепъ на жизнь человѣка, но что, напротивъ того, великая задача христіанства въ томъ и состояла, чтобы ввести въ свои права духовную природу человѣка, освободивъ ее отъ рабства чувственности, и разлить свѣтъ и радость на всю жизнь человѣка, живущаго не по плоти только, но и по духу.

Прибавленіе въ отвѣтъ на прибавленіе къ стран. 48, стр. 2.

Понятіе о равенствѣ людей имѣетъ въ христіанскомъ ученіи такой смыслъ, что всѣ люди произошли отъ одного перваго человѣка, сотвореннаго по образу Божію и по подобію, что въ слѣдствіе этого каждый человѣкъ одаренъ такимъ же разумомъ и такою же свободою воли, и потому каждый безъ различія имѣетъ право на спасеніе т. е. на возведеніе въ первобытное состояніе усыновленнаго любви Божіей чрезъ Спасителя міра. Произшедшая въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ разница въ развитіи умственнаго, нравственнаго и даже физическаго состоянія каждаго не можетъ служить препятствіемъ къ возрожденію человѣка. Если неоспоримо то, что отъ физіологическихъ условій много зависитъ нравственное развитіе человѣка, то съ другой стороны также неоспоримо, что умственное развитіе можетъ торжествовать надъ физическими препятствіями. Аристократія породы не всегда обусловливаетъ цѣлость нравовъ, такъ точно какъ бѣдность и лишенія не ведутъ за

собою непремѣнно безнравственности и разврата. Если въ обществѣ встрѣчается такая поразительная разница между людьми, что одни изъ нихъ стоятъ на высотѣ умственнаго и нравственнаго достоинства, а другіе не далеко отходятъ по своему развитію отъ животныхъ, то именно по тому религія и неможетъ оставаться равнодушною въ виду такого ненормальнаго явленія. Въ глазахъ вѣры самый низкій изъ людей есть человѣкъ, и самый жалкій калека — и тотъ сынъ Авраама, какъ выразился Христосъ въ поученіе и наставленіе гордымъ Іудеямъ. Въ этомъ отношеніи разница между христіанствомъ и соціализмомъ та, что первое хочетъ поднять такого человѣка до степени нравственнаго достоинства и ввести его такимъ образомъ въ одинаковыя права жизни съ прочими собратіями, тогда какъ соціализмъ вовсе не заботится о предварительномъ перевоспитаніи этихъ Misérables, а прямо хочетъ даровать имъ одинаковое пользованіе благами міра, вовсе имъ незаслуженное. На эту несообразность дѣйствительно пора обратить серьезное и безпристрастное вниманіе. Истинная наука должна разъяснить, что хотя порода имѣетъ большое значеніе въ природѣ человѣка, но что его духовная сторона стоитъ гораздо выше всякихъ физическихъ условій. Истина этого подтверждается не только исторіею многихъ великихъ людей, пробившихъ силою духа стѣснявшую ихъ грубую сре-

ду, но и ежедневнымъ опытомъ, показывающимъ намъ не рѣдко такія явленія, что люди породы сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, тогда какъ судьями ихъ служатъ подвижники бѣдности и труда, пробившіеся собственными усиліями сквозь окружавшую ихъ толпу грубости нравовъ до высоты нравственнаго и политическаго положенія въ обществѣ. Христіанская вѣра далека отъ того, чтобы осуждать аристократизмъ породы, какъ явленіе, но она никогда неможетъ признать его, какъ принципъ, дающій большія права человѣку на нравственное достоинство. Не правильно думаютъ и тѣ, которые полагаютъ, будто христіанство покровительствуетъ демократіи. Мнѣніе это воцарилось на основаніи того факта, что первые адепты христіанства были изъ народа. Но это объясняется самымъ яснымъ образомъ тогдашнимъ состояніемъ общества. Аристократія временъ Христовыхъ вовсе не нуждалась для своего благополучія въ новомъ ученіи Евангелія о спасеніи отъ какой-то, по видимому, вовсе не грозившей ей опасности, между тѣмъ какъ народъ, надъ которымъ тяготѣла тогдашняя жизнь, жаждалъ обновленія общества на новыхъ началахъ. Это начало и было указано христіанствомъ въ нравственномъ возрожденіи всѣхъ и каждаго и въ неминуемо долженствовавшемъ послѣдовать за тѣмъ равенствѣ всѣхъ въ правахъ на жизнь и наслажденіе жизнію. Эта

мечта, не понятая въ принципѣ, была схвачена современными намъ соціалистами и проводится нѣкоторыми изъ нихъ дѣйствительно отъ добраго сердца, но слабымъ умомъ, не могущимъ понять, что права на жизнь не даются даромъ, но бываютъ слѣдствіемъ или даже неотъемлемою принадлежностію нравственнаго развитія. Болѣе благоразумные дѣятели поняли отчасти и это, и думаютъ помочь этой бѣдѣ школами и распространеніемъ грамотности въ народѣ. И то и другое, конечно, хорошія средства для развитія умственнаго, но слишкомъ недостаточныя для поднятія нравственнаго уровня въ обществѣ. Пока человѣкъ не будетъ развиваться всесторонне изъ себя самого, до тѣхъ поръ всѣ эти искусственныя прививки не примутся и не принесутъ плода. А развиваться изъ себя самого — значитъ быть настоящимъ христіаниномъ, потому что сознательное отношеніе себя къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ намъ указано только въ христіанствѣ.

Человѣческій законъ, ограждающій цѣлость общества, дѣйствительно ошибся бы въ своемъ приложеніи, если бы онъ сталъ трактовать всѣхъ людей, какъ равныхъ передъ Богомъ. Прежде всего никто изъ людей, даже власть имѣющихъ, не можетъ дать истинную оцѣнку внутреннему настроенію и намѣреніямъ каждаго. Поэтому законъ гражданскій и ограничивается только караніемъ дѣйствій и поступ-

ковъ, не спрашивая о намѣреніяхъ и не справляясь съ совѣстію человѣка. Но и здѣсь уже замѣтно становится вліяніе христіанства, какъ принципа свободы и нравственнаго прогресса, на самое дѣйствіе и примѣненіе законодательства. Либеральное учрежденіе гласныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями выходитъ именно изъ того принципа, что хотя всѣ равны передъ закономъ, но не всѣ дѣйствія каждаго человѣка порознь могутъ быть одинаково вмѣняемы въ преступленіе. Передъ этимъ судомъ уже разбираются не одни только поступки, но и побужденія ихъ, слѣдовательно призывается на судъ самая совѣсть человѣка. Нашъ авторъ, которому мы отвѣчаемъ и въ этомъ Приложеніи, находитъ въ этомъ самомъ судѣ отступленіе отъ Божескаго закона, „выразившагося въ разнообразіи природы человѣческой“; по его мнѣнію „это есть слѣдствіе теоріи, взятой на вѣру изъ христіанства, притомъ худо понятой, ведущей къ большимъ несправедливостямъ въ приложеніи и къ стадообразному устройству общества.“ Мы не хотимъ оспоривать при этомъ его аристократическихъ тенденцій, но скажемъ только въ защиту христіанства, что идея равенства людей предъ Богомъ, а слѣд. и предъ закономъ, можетъ быть и худо понята и перетолкована людьми въ свою пользу; но мы отказываемся совершенно вѣрить въ то, будто разнообразіе человѣческой природы есть божескій законъ.

Если подъ именемъ этого разнообразія разумѣть расы или породы людей, образовавшіяся въ слѣдствіе воспитанія и другихъ случайныхъ обстоятельствъ, то это такъ далеко отъ намѣренія Божія, что видѣть въ этомъ законъ божескій было бы по меньшей мѣрѣ безуміемъ. Можно ли себѣ представить, чтобы Богъ, котораго самъ авторъ нашъ называетъ Существомъ Всевѣдущимъ и Правосуднымъ, допустилъ въ своей правдѣ такой законъ, по которому въ однихъ изъ людей порода была облагороживаема физическимъ уходомъ и воспитаніемъ, тогда какъ другіе по тому же закону валялись въ грязи и мало отходили по своему развитію отъ животныхъ? Что это такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, мы не споримъ. Но мы не хотимъ и не можемъ признать въ этомъ закона со стороны Бога. Это было бы богохульство. „Отъ одной крови произведши всѣхъ человѣковъ, разселилъ Онъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждаго изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы, дабы они искали Бога, не ощутятъ и не найдутъ ли Его, хотя впрочемъ Онъ не далеко отъ каждаго изъ насъ; ибо мы Имъ живемъ, движемся и существуемъ“ — такъ проповѣдовалъ одинъ изъ первыхъ Апостоловъ христіанства предъ цвѣтомъ языческаго общества въ аѳинскомъ Ареопагѣ. (Дѣян. XVII, 26—28.) Здѣсь, въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся философія бытописанія. Происхож-

деніе людей отъ одного корня — слѣд. равенство, а не различіе, всѣхъ по роду; ихъ временное совокупленіе въ отдѣльныя группы на землѣ съ цѣлію исканія истины каждою по своему, и наконецъ общее назначеніе всѣхъ и каждаго — единеніе съ Богомъ, который одинаково близокъ всякому, кто только дышетъ, движется и существуетъ. Въ сравненіи съ этимъ простымъ откровеніемъ, столь близкимъ сознанію каждаго, что оно съ перваго разу представляется принадлежностію общечеловѣческаго сознанія, всѣ другія предположенія, догадки и умствованія падаютъ сами собою, какъ неимѣющія приложенія къ жизни, неоправдываемыя исторіею и фактически противорѣчащія опыту.

Ouvrages sur la Russie

publiés par **la librairie B. Behr (E. Bock)** à Berlin.

GAGARIN, le Prince. Le clergé Russe. 1 thlr.
KRUEDENER, Baron C., Die Privilegien Livlands. 10 sgr.
LIVLANDS lebendiges Recht nach neuen Archivstudien, dargestellt von einem Livländer. 15 sgr.
NECLUDOW, M. B. L'insurrection polonaise devant l'Europe! Nous le voulons bien. 12 sgr.
POGODINE, Prof., Offener Brief an Herrn Prof. Schirren über dessen Buch: Livländische Antwort. 1870. (Aus dem russischen.) 10 sgr.
RAPPORT du Général-Major Comte Bobrinski. 1870. Première édition du texte russe accomp. d'une traduction française. $7\frac{1}{2}$ sgr.
RÉORGANISATION du système de crédit des banques territoriales et des chemins de fer en Russie (traduit du Russe). 20 sgr.
RÉPONSE d'un Russe à la brochure française: l'Empereur, la Pologne et l'Europe. 10 sgr.
ROSES MATINALES sur les glaciers des monts slaves. 1 thlr.
SAMARIN, Juri. Ueber Chomäkoff. Ein Beitrag zur Kenntniss der neuesten theologischen Bestrebungen in Russland. (Aus dem russischen.) 15 sgr.
SCHÉDO-FERROTI, D. K., Aus der Literatur des Nihilismus. Kritische Beleuchtungen des Tschernyschefsky'schen Romans: Что дѣлать? 8 sgr.
— — Études sur l'avenir de la Russie.
1ère Étude: La libération des paysans. 4ème édition. 15 sgr.
2ème „ Les principes du gouvernement et leurs conséquences. Deuxième édition. 15 sgr.
3ème „ Malversations et remèdes. 1 thlr.
4ème „ La Noblesse. 1 thlr.
5ème „ Le Militaire. 1 thlr.
6ème „ Quelques serfs non encore libérés. 20 sgr.
7ème „ La tolérance et le schisme religieux en Russie. $2\frac{2}{3}$ thlr.
*8ème „ Que fera-t-on de la Pologne. Deuxième édition. 1 thlr. 5 sgr.
*9ème „ Le Nihilisme en Russie. 8. 1 thlr. 20 sgr.
— — Appendice au Nihilisme en Russie. Appréciation du but et des tendances de ce livre p. M. Michel Katkow publié sans commentaire par D. K. Schédo-Ferroti. 8. 5 sgr.
*10ème „ Le patrimoine du peuple. 25 sgr.
— — Question polonaise au point de vue de la Pologne, de la Russie et de l'Europe. 20 sgr.
— — Le programme du congrès Européen. Essai d'une solution du problème que pose le discours du 5. Novembre. 8. 10 sgr.
— — Lettres sur l'instruction populaire en Russie adressées à Mr. le comte D. Tolstoi. 10 sgr.
SIEVERS, J. v., Humanität und Nationalität. Eine livländische Säcularschrift zum Andenken Herders und zum Schutze livländischen Verfassungsrechtes. 8. $22\frac{1}{2}$ sgr.

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.

Vient de paraître:

ВЕШНІЯ ВОДЫ.

РОМАНЪ

И. ТУРГЕНЕВА.

1 Thlr. 15 Sgr.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ.

Извлеченія изъ секретныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—1856 г.

1 Thlr. 20 Sgr.

ПАПА И СОБОРЪ

ЯНУСА.

нѣмецкаго на русскій перевёлъ православной Веймарской Маріи-Магдалининской церкви Протоіерей Владиміръ Ладинскій.

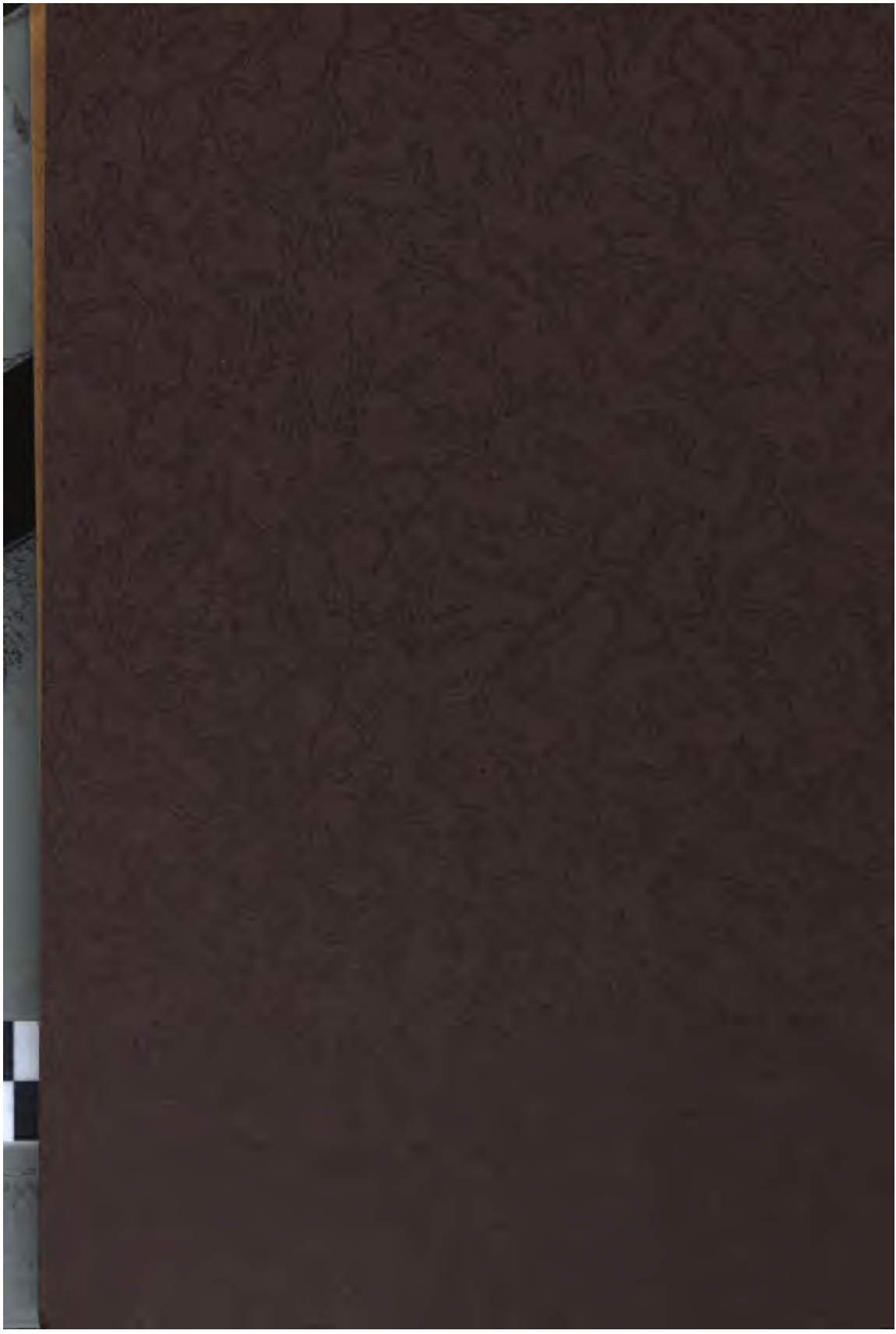
2 Thlr.

LIBRAIRIE B. BEHR (E. BOCK)

27. Unter den Linden. **BERLIN.** Unter den Linden 27.

ВОЕЙКОВЪ, А. Ѳ. Домъ сумашедшихъ, сатира. 10 sgr.
ВОПРОСЫ религіи и знанія. 1872. 1 thlr.
ВРЕМЯ. Извлечено изъ бдѣній блаженнаго Августина. 5 sgr.
ВРЕМЕНЩИКЪ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. 1 thlr. 15 sgr.
ГЕЙНЕ, Г. Изъ записокъ Гна. Фон-Шнабелевопскаго. 10 sgr.
ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Сочиненія. 2. изданіе. 1870. 1 thlr.
ДВОРЯНСТВО и освобожденіе крестьянъ (Кавелина.) 15 sgr.
ИЗМѢНЕНІЕ, необходимое въ нашей крестьянской реформѣ. 8°. 1869. 10 sgr.
ИСКАНДЕРЪ ГЕРЦЕНЪ. 1 thlr. $22\frac{1}{2}$ sgr.
КАРАМЗИНЪ. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. 15 sgr.
КРЫЛОВЪ, П. А. Трумфъ. Трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ. 10 sgr.
ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Демонъ, поэма. 15 sgr.
— — Стихотворенія, невошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій. 1 thlr. въ перепл. $1\frac{1}{2}$ thlr.
МАТЕРІАЛЫ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра II. 3 thlr.
НЕКРАСОВЪ, Н. Стихотворенія 1862. 1 thlr. relié. $1\frac{1}{3}$ thlr.
НѢСКОЛЬКО словъ о русской знати. 5 sgr.
НЫНѢШНЕЕ состояніе Россіи и заграничные Русскіе дѣятели. 1869. 20 sgr.
О БЫТѢ рабочихъ людей въ С. Петербургѣ и о средствахъ къ улучшенію ихъ положенія. 8°. 25 sgr.
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, Меншиковъ и Лейбницъ, разговоръ. 10 sgr.
ПОЛЕВОЙ, Н. А. Царствованіе Іоанна Грознаго. Отрывокъ изъ исторіи государства россійскаго. Изданіе второе. 1870. 24 sgr.
ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ и гордіевъ узелъ европейской политики. 15 sgr.
ПРОЦЕССЪ Кн. Воронцова противъ Кн. Долгорукова. Рѣчь Г. Матьё. Съ приложеніемъ 2 литографированныхъ снимковъ. 15 sgr.
ПУШКИНЪ, А. Опасный сосѣдъ. 5 sgr.
— — Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. 1 thlr. relié. $1\frac{1}{2}$ thlr.
— — Стихотворенія, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій. 2. изданіе. 8°. 1870. $1\frac{1}{3}$ thlr.
РУССКІЙ АДМИНИСТРАТОРЪ новѣйшей школы. Записка псковскаго губернатора Б. Обухова и отвѣтъ на нее. 15 sgr.
РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО. 12°. $2\frac{1}{3}$ thlr.
РЫЛѢЕВЪ, К. Стихотворенія. 15 sgr.
— — Войнаровскій, поэма. 15 sgr.
— — Думы. 15 sgr.
— — Сочиненія. 8°. 1 thlr.
САМАРИНЪ, Ю. Окраины Россіи. Серія первая; Русское Балтійское поморіе. Выпускъ I—III: $3\frac{1}{3}$ thlr.
— — Отвѣтъ В. ф. Бокку и Ширрену по поводу „Окраины Россіи.“ 1870. 1 thlr.
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ, Н. Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса 1861. 15 sgr.
СЕЛЬДЕРЕЦКОЙ, очерки современнаго Кавказа. 20 sgr.
СТАТСКІЙ АРМЕЙЦУ. 10 sgr.
СУДЫ ПРИСЯЖНЫХЪ въ Англіи и Франціи. (Перепечатка изъ УГОЛОВНОЙ ЛѢТОПИСИ. Т. I. Кн. 2) 8°. 1868. 10 sgr.
ХОМЯКОВЪ, А. С. Сочиненія, Томъ II. (Сочиненія богословскія) съ предисловіемъ Ю. Самарина. $2\frac{2}{3}$ thlr.
ШЕДО-ФЕРРОТТИ, Д. К. Письмо А. И. Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. 8°. 15 sgr.
ШЕРВУДЪ изъ записокъ генералъ-майора Б—И. 10 sgr.
ШИШКОВЪ, А. С, адмиралъ. Записки, мнѣнія и переписка. Томъ I и II. 1870. 6 thlr. 20 sgr.
З. Н. П. Способы русскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время. 8 sgr.
ЯНУСЪ. Папа и соборъ, съ нѣмецкаго. 1870. 2 thlr.

a na vop
ersity Libraries
1 254 892

ford University Li
Stanford, Californi

n this book on or before da